ВАЛЕНТИН КАТАСОНОВ

РОССИЯ И ЗАПАД В XX ВЕКЕ

Валентин Катасонов

Россия и Запад в XX веке. История экономического противостояния и сосуществования

«Кислород»
2019

УДК 339.5
ББК 65.5

Катасонов В. Ю.

Россия и Запад в XX веке. История экономического противостояния и сосуществования / В. Ю. Катасонов — «Кислород», 2019

ISBN 978-5-901635-68-1

В книге выдающегося русского ученого Валентина Юрьевича Катасонова показана история экономических отношений России и Запада в XX веке. Автор доказывает, что начиная с XIX века западноевропейские страны и США навязывают России систему неравноправных для нее экономических и финансово-кредитных отношений, пытаются превратить нашу страну в колонию, сырьевой придаток западных стран. Подобную же систему отношений к России Запад сохраняет и сейчас. По мнению Катасонова, попытки Запада навечно превратить нашу страну в сырьевую колонию иллюзорны, Россия вернет свое могущество, вернет награбленное, и никакие «иезуитские соглашения» Запада ему не помогут.

УДК 339.5
ББК 65.5

ISBN 978-5-901635-68-1

© Катасонов В. Ю., 2019
© Кислород, 2019

Содержание

Предисловие 6
Часть I 10
Введение 10
Глава 1 13
Парижская мирная конференция и Версальский договор 13
Парижская мирная конференция и «русский вопрос» 16
Парижская мирная конференция и репарации 17
Репарационные страсти после Парижской конференции 19
Об аннулировании Советской Россией внешних долгов 24
Глава 2 28
Советская нота от 28 октября 1921 года – старт подготовки конференции 28
Запад блокируется. Каннская конференция и Каннские условия 30
Формирование западного блока: центробежные и центростремительные процессы 31
Лондонский меморандум как ультиматум России 32
Советская Россия: подготовка к Генуе 34
Глава 3 37
Подготовка встречных требований к Антанте 37
О довоенных и военных долгах России перед «союзниками» 39
национализированное имущество иностранного капитала 42
Баланс обязательств и требований России по отношению к Германии. Упущенные репарации 44
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Валентин Юрьевич Катасонов
Россия и Запад в XX веке. История экономического противостояния и сосуществования

© Катасонов В. Ю., 2019
© Институт русской цивилизации, 2019
© Издательский дом «Кислород», 2019

* * *

Не надейтесь, что единожды воспользовавшись слабостью России, вы будете получать дивиденды вечно. Русские всегда приходят за своими деньгами. И когда они придут – не надейтесь на подписанные вами иезуитские соглашения, якобы вас оправдывающие. Они не стоят той бумаги, на которой написаны. Поэтому с русскими стоит или играть честно, или вообще не играть.
Отто фон Бисмарк

Предисловие

Вашему вниманию предлагается работа, посвященная финансово-экономической истории мира и России в XX веке. Она состоит из двух частей. Каждая из них может рассматриваться как вполне самостоятельное исследование. Но при этом обе части органически дополняют друг друга. Центральным событием первой части является международная финансово-экономическая конференция в Генуе в 1922 году. Во второй части таким событием является международная финансово-экономическая конференция в Бреттон-Вудсе (США) в 1944 году.

Оба указанных события интересны и поучительны сами по себе. Но в определенном смысле они выступают лишь поводом для описания общей экономической и политической обстановки в мире, которая предшествовала и сопутствовала обеим конференциям. А также для выяснения того, насколько решения указанных конференций удалось практически реализовать, насколько они оказали влияние на финансовую, экономическую и политическую ситуацию в мире и как они отразились на России (в то время выступавшей под названием «Советский Союз»). Представленная в книге панорама захватывает отчасти историю XIX века и нашу новейшую историю XXI века. Но 90 % всего материала посвящены описанию и анализу событий XX века. Первая часть сфокусирована на периоде между двумя мировыми войнами. Вторая – на периоде с конца Второй мировой войны до конца XX века. Панорама XX века в книге представлена преимущественно как мировая финансовая и экономическая история, политические события ушедшего века являются лишь фоном, позволяющим лучше понять финансовые и экономические события и процессы.

В центре внимания даваемого нами описания мировой финансовой и экономической истории XX века является Россия. Наша страна была участницей конференций как в Генуе, так и в Бреттон-Вудсе. Вопросы, обсуждавшиеся на обеих конференциях, напрямую затрагивали интересы нашего государства. На обеих конференциях Россия как социалистическое государство (в первом случае как «РСФСР», во втором случае как «СССР») была среди стран, которые принципиально от нас отличались по своему социально-экономическому устройству (были капиталистическими странами).

Особенности наших взаимоотношений с остальным миром не сводились только к социально-экономическим различиям. Правящие круги тех стран, среди которых Россия тогда находилась (ведущие страны Запада), рассматривали ее как цивилизацию, антагонистическую западной цивилизации. Впрочем, этот антагонизм существовал на протяжении многих веков и проявлялся в войнах европейских государств против России, а также в различных формах «невооруженной агрессии» (например, постоянные попытки экспансии католицизма на восток). Итак, в разные моменты истории Европа пыталась проводить политику либо «ползучего поглощения» России как цивилизации («цивилизационной ассимиляции»), либо жесткого, силового, буквально физического ее уничтожения. Обострение отношений между Западом и Россией произошло в 1917 году, когда к цивилизационным противоречиям добавились еще противоречия социально-экономического порядка.

Сегодня, в XXI веке, Российская Федерация начинает приходить в себя после бурных революционных событий 90-х годов прошлого века, излечиваться от чуждой ей идеологии либерализма, избавляться от иллюзорных представлений о том, что мы будем жить в «общеевропейском доме». События на Украине помогают быстрее избавляться от подобного рода иллюзий, раскрывают истинную сущность западной цивилизации. Мы начинаем осознавать себя самостоятельной цивилизацией. И именно это вызывает лютую ненависть наших «партнеров» на Западе. Осознание себя самостоятельной цивилизацией – необходимое, но еще недостаточное условие для того, чтобы восстановить сильно поврежденное (но, слава Богу, не

уничтоженное) здание русской цивилизации. «Русский дом» включает в себя Православную Церковь, суверенное государство, самобытную культуру, созидательную экономику, крепкую семью и многое другое.

Мы имеем уже более или менее сложившиеся представления о том, что такое русская цивилизация («Русский дом») в плане Церкви, культуры или семьи. В меньшей степени нам понятно, каким может и должно быть государство. И уж совсем размытое представление на этот счет в отношении экономики. Что такое «русская экономика», т. е. экономика как элемент русской цивилизации? Раз и навсегда готовой формулы и готовых чертежей «русской экономики» не существует (и существовать не может). Экономика подобна живому организму, рецепты поддержания жизнеспособности и здоровья такого организма можно давать с учетом возраста, истории болезней, наследственных признаков, нагрузок, внешних условий существования организма и многих других факторов. Как это ни парадоксально звучит, но ближайшим аналогом той модели экономики, которая могла бы стать частью русской цивилизации в XXI веке, является та экономика, которая существовала в СССР в период с конца 1920-х годов до середины 1950-х годов, т. е. примерно на протяжении четверти века. Этот период охватывает социалистическую индустриализацию, Великую Отечественную войну, послевоенное восстановление экономики, дальнейшее ее развитие в относительно мирных условиях. Условно эту модель можно назвать «экономикой Сталина», поскольку она создавалась и функционировала в те годы, когда у руля власти в нашей стране находился И. В. Сталин.

Организм «сталинской экономики» развивался и функционировал в экстремальных условиях враждебной внешней среды (международной обстановки). А именно в условиях, когда Запад пытался экономически закабалить нашу страну, превратить ее в свой сырьевой придаток, колонию. Эти попытки проявлялись, с одной стороны, в организации экономической, торговой и кредитной блокады Советского государства. С другой стороны, Запад постоянно требовал свободного, неограниченного доступа своим монополиям на внутренний рынок СССР, к нашим природным ресурсам, снятия всяких ограничений на иностранные инвестиции в экономику страны (включая банковский сектор), полной конвертации рубля, демонтажа государственного сектора экономики, возвращения национализированного имущества иностранным хозяевам и т. д.

В наиболее обнаженном, концентрированном виде экономическая позиция Запада в отношении нашей страны проявилась на Генуэзской конференции 1922 года. Эта конференция стала очень важной страницей нашей истории.

Во-первых, мы сумели отбить наглые притязания наших бывших союзников по Первой мировой войне, которые сводились к тому, чтобы Россия изменила свой экономический строй и стала жить по тем правилам, по каким она жила до начала Первой мировой войны. То есть по правилам западной цивилизации. Россия отстояла право развиваться по иному пути (каким бы спорным он ни казался внешним наблюдателям).

Во-вторых, Россия отвергла вполне конкретные материальные притязания, касающиеся довоенных и военных долгов. Более того, она заняла на конференции наступательную позицию и предъявила встречные требования, касавшиеся компенсации ущербов от интервенции и экономической блокады. Такие встречные требования советской делегации стали интереснейшим прецедентом в истории – как российской, так и мировой.

В-третьих, руководство нашего государства извлекло полезный урок из конференции. Исчезли иллюзии того, что «заграница нам поможет». Более того, стало приходить понимание, что Запад нам может в качестве помощи предложить лишь «долговую веревку», с помощью которой в дальнейшем он Россию и повесит. Хотя после конференции в Генуе в стране еще несколько лет проводилась «новая экономическая политика» (НЭП), исподволь стал готовиться переход к той самой модели, которую мы назвали «сталинская экономика».

На протяжении двух с половиной пятилеток (вплоть до начала Великой Отечественной войны) в нашей стране было построено без малого 10 тысяч предприятий. При этом, что важно, Запад полностью торгово-экономической и кредитной блокады СССР не снимал. Именно благодаря индустриализации мы сумели не только выстоять во Второй мировой войне, но изменить ее ход и победить. Без натяжки можно утверждать, что без индустриализации в СССР исход Второй мировой войны мог бы быть совсем иным.

Но история не терпит сослагательного наклонения. И в 1944 году, когда уже исход войны был предрешен, в США была проведена Международная валютно-финансовая конференция. Ее называют Бреттон-Вудской конференцией, а те решения, которые были на ней приняты, воплотились в международный валютно-финансовый порядок, который принято называть бреттон-вудской системой (БВС). Формально она просуществовала до 1970-х годов, когда на смену БВС пришла ямайская валютная система. Однако отдельные элементы БВС сохраняются до сегодняшнего дня. Например, на Бреттон-Вудской конференции было принято решение о создании Международного валютного фонда (МВФ), который до сих пор продолжает функционировать. На Бреттон-Вудской конференции наша делегация не проявляла себя столь энергично и активно, как в Генуе. Была иная ситуация. Решения конференции были предопределены, все они были в интересах США, вернее, в интересах американского доллара и хозяев «печатного станка», выпускавшего эти доллары (Федеральная резервная система). В 1944 году закладывался фундамент послевоенного мирового финансового порядка, в рамках которого существование и дальнейшее развитие СССР было опасным для цивилизационной идентичности нашей страны. Если поведение советской делегации на конференции в Бреттон-Вудсе не сопровождалось никакими громкими заявлениями и протестами, то поведение Сталина после этой конференции для Запада оказалось в каком-то смысле сенсационным. Запад был уверен, что СССР станет частью БВС, а Сталин отказался ратифицировать документы Бреттон-Вудса. Фактически СССР оказался за пределами послевоенной мировой валютно-финансовой системы.

Однако изгоем его назвать было трудно, через некоторое время он начал выстраивать собственную систему в рамках лагеря социалистических государств. Конечно, после Второй мировой войны СССР сохранял на каком-то уровне свои торгово-экономические и финансовые отношения и со странами Запада. История этих отношений (как и отношений в период между двумя мировыми войнами) была сложной. Их можно назвать комбинацией «противостояния» (экономические, торговые и финансово-кредитные блокады и санкции) и «сосуществования» (начиная от торговли товарами и кончая более сложными формами отношений – «компенсационные сделки», производственная кооперация, научно-технические связи).

Конечно, в решениях конференции в Бреттон-Вудсе все формулировки носили достаточно благообразный вид, в них постоянно встречались слова «прогресс», «восстановление экономики», «стимулирование торговли и экономического развития», «сбалансированная международная торговля», «валютная стабильность» и т. п. Однако не только советская делегация, но и другие участники конференции (тот же Джон Кейнс, возглавлявший английскую делегацию) прекрасно понимали, что скрывается за этими красивыми словами. Фактически начиналось формирование новой версии мирового порядка «Pax Americana», которая должна была заменить устаревшую версию «Pax Britannica». За высокопарными фразами Бреттон-Вудса скрывались все те же старые принципы международных экономических отношений, которые можно описать с помощью слов «подчинение», «диктат», «контроль», «эксплуатация», «конкуренция», «торговая война», «валютная война», «картельный сговор», «раздел рынков», «демпинг», «долговая зависимость», «банкротство», «внешнее управление» и т. д. В 1944 году родилась новая версия хорошо всем известного международного финансово-экономического социал-дарвинизма. Она предполагала деление мира на «избранных» (сегодня

это называется «золотым миллиардом») и «плебс», «рабов», «изгоев» (периферия мирового капитализма), обслуживающих мировую верхушку.

Именно поэтому СССР начал выстраивать свою собственную международную систему торгово-экономических и валютно-финансовых отношений с участием ряда стран, вставших на путь социалистического строительства. Эта система получила организационное оформление в виде Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), созданного в 1949 году. Название организации уже само говорит о том, что пространство СЭВ свободно от норм и принципов международного социал-дарвинизма. Здесь действуют принципы взаимовыгодного сотрудничества, международной взаимопомощи, выравнивания уровней экономического развития отдельных стран. Важными средствами практической реализации этих принципов стали планирование экономического развития и внешнеэкономических связей отдельных стран, организация общей внешней защиты от влияния мирового капиталистического хозяйства (в том числе с помощью государственной монополии внешней торговли, государственной валютной монополии), внедрение во взаимных расчетах собственной наднациональной денежной единицы (переводной рубль) и т. д.

Последние 20–25 лет нам усиленно навязывают иностранный опыт в самых разных сферах человеческой деятельности и общественной жизни. Конечно, кое-что представляет для нас интерес и может быть использовано. Но во многих случаях зарубежный опыт в России не приживается, подобно тому, как не приживаются органы одного человека, пересаженные другому. В области экономики нам предлагается опыт других стран – США, Европы, «третьего мира». Но другие страны принадлежат к другим цивилизациям. Велика вероятность отторжения чужеродного опыта и даже нанесения себе такими экспериментами серьезного ущерба.

У нас есть реальная и надежная альтернатива – свой собственный опыт, о котором в лучшем случае современный человек, живущий в России, забывает. А в худшем случае он о нем ничего не знает. Потому что этот опыт сознательно замалчивается. Данная книга адресована, в первую очередь, тем, кто об этом опыте ничего не знает и кто хотел бы о нем узнать. Я думаю, что это был бы более продуктивный подход к поиску оптимальных решений для выхода страны из нынешних экономических тупиков (чем, скажем, конструирование умозрительных экономических моделей). А чтобы этот опыт экономического строительства в непростых условиях враждебного капиталистического окружения было интереснее изучать, я предлагаю начать знакомство с ним с таких знаковых событий нашей истории, как конференции в Генуе и в Бреттон-Вудсе. В них, как в каплях воды, отразились все противоречия и драмы XX века.

Да, Россия (называвшаяся тогда «Советским Союзом») в конце прошлого века ослабла, и наши «заклятые друзья» с Запада этим немедленно воспользовались. Уже более двадцати лет они грабят Россию и превращают ее в свою колонию. Рассчитывая, что смогут получать свои колониальные дивиденды вечно. Но, как говорил германский канцлер О. Бисмарк, эти надежды иллюзорны. Россия вернет свое могущество, вернет награбленное, и никакие «иезуитские соглашения» Запада при этом не помогут. Удивительно прозорливым оказался «железный канцлер»! Примерно через полвека после его слов Россия порвала «иезуитские соглашения» о кабальных кредитах и займах, подписанных до Первой мировой войны и во время ее. Иностранные инвестиции были национализированы, а иностранные банки закрыты. Стали заключаться новые торговые и концессионные соглашения, которые (в отличие от старых соглашений) предусматривали взаимную выгоду и уважение национального суверенитета нашей страны. Давайте изучать нашу историю, богатую опытом того, как мы рвали «иезуитские соглашения» и выстраивали наши деловые отношения с «заклятыми друзьями» на основе новых, честных правил игры. А с теми, кто их не желал соблюдать, мы вообще предпочитали не иметь дела.

Часть I
Генуэзская конференция. Мировое хозяйство между двумя войнами

…мы должны строить наше хозяйство так, чтобы наша страна не превратилась в придаток мировой капиталистической системы, чтобы она не была включена в общую систему капиталистического развития как ее подсобное предприятие, чтобы наше хозяйство развивалось не как подсобное предприятие мирового капитализма, а как самостоятельная экономическая единица, опирающаяся, главным образом, на внутренний рынок, опирающаяся на смычку нашей индустрии с крестьянским хозяйством нашей страны.
И. Сталин, выступление на XIV съезде ВКП (б)[1].

Мы думали, что нас не любят потому, что мы «красные», а нас не любят потому, что мы русские.
Автор неизвестен.

Введение

Генуэзская конференция – яркое событие в отношениях нашей страны с Западом. Отношения между Россией и Западом на протяжении многих столетий носили характер цивилизационного антагонизма, который иногда имел скрытые формы, иногда явные и очень острые. После Октябрьской революции 1917 года отношения между Россией и ее союзниками по Первой мировой войне приобрели характер острого противостояния.

Одной из главных формальных причин такого обострения стало заявление новой власти в России об отказе от погашения долгов царской власти и Временного правительства странам Запада. Ответ кредиторов последовал незамедлительно. Уже в декабре 1917 года Запад объявил о торговой и морской блокаде Советской России. Закончилась Первая мировая война, Гражданская война в России, иностранная вооруженная интервенция против Советского государства, а накал экономического противостояния не снижался. Россия оставалась в экономической блокаде, которая дополнялась политической блокадой (отказ от признания нового государства и установления с ним дипломатических отношений). Первой серьезной попыткой нормализации политических и торгово-экономических отношений между Россией и Западом стала Международная конференция в Генуе в апреле-мае 1922 года. До этого Советская Россия не участвовала в многосторонних конференциях. Геную можно сравнить с первым серьезным прорывом Россией блокады, которая длилась более 4 лет.

Многие историки полагают, что по своей представительности и значимости Генуэзская конференция была сопоставима с Парижской мирной конференцией 1919 года. Между прочим, на Парижской конференции России не было, а на Генуэзской конференции она не только присутствовала, но и находилась в центре внимания.

В период между двумя мировыми войнами можно насчитать всего лишь пять действительно масштабных международных конференций по экономическим, торговым и финансовым вопросам. Это:

[1] *Сталин И. В.* Собр. соч. Том 7. С. 298.

Брюссельская конференция по финансовым вопросам и внешней торговле (1920 г.);

Генуэзская конференция по вопросам восстановления экономики Европы и уменьшению протекционизма (1922 г.);

Женевские конференции по проблемам протекционизма и таможенного разоружения (1927 и 1930 гг.);

Лондонская конференция по вопросам стабилизации национальных валют и устранению ограничений в торгово-политической области (1933 г.).

После Лондонской конференции в результате развившегося мирового экономического кризиса и стагнации страны стали уходить в «глухую оборону». В международной торговле усилились протекционистские тенденции, золотой стандарт (даже в его усеченной слитковой и девизной формах) был ликвидирован, мировая финансовая система стала распадаться на валютные блоки и т. п. Международное общение в форме экономических конференций становилось бессмысленным. Что касается Лиги Наций, которая просуществовала с 1920 по 1946 год, то ее попытки заняться решением глобальных экономических и финансовых вопросов успехом не увенчались.

Лишь через 22 года после Генуэзской конференции и через 11 лет после Лондонской конференции была созвана действительно масштабная экономическая конференция в Бреттон-Вудсе (США). После указанной конференции были созданы институты, призванные регулировать финансовые, торговые и экономические отношения в пределах капиталистического мира (Международный валютный фонд, Всемирный банк, Генеральное соглашение по тарифам и торговле[2]).

Некоторые экономисты полагают, что Генуэзскую конференцию по значимости можно сравнить лишь с международной конференцией в Бреттон-Вудсе (лето 1944 г.). Если Бреттон-Вудские решения заложили основы международной валютно-финансовой системы после Второй мировой войны, то Генуэзские решения – основы международной валютно-финансовой системы в период между Первой и Второй мировыми войнами. Многие авторы международную валютно-финансовую систему 20–30-х годов прошлого века не без оснований называют *Генуэзской*. С нашей точки зрения, здесь имеются натяжки, поскольку никаких конкретных решений по новому мировому валютному порядку в Генуе в 1922 году не принималось.

Между прочим, в учебниках часто можно прочитать, что Генуэзской валютно-финансовой системе предшествовала так называемая *Парижская система*. Под Парижской системой принято понимать классический международный золотой стандарт, или как его еще называют золотомонетным стандартом, который якобы был принят на Парижской международной конференции 1867 года. С определенными оговорками можно признать, что такой стандарт до начала Первой мировой войны существовал. Но никаких конкретных решений о введении золотомонетного стандарта на Парижской конференции 1867 года не принималось. Это такой же «апокриф», как и «апокриф» о Генуэзской валютно-финансовой системе[3].

На конференции в Генуе имели место лишь дискуссии, которые опосредованно могли повлиять на принятие решений отдельных государств позднее. Речь идет, прежде всего, о решениях Великобритании и Франции о частичном восстановлении золотого стандарта в виде золотослиткового стандарта[4]. Конечно, для советской делегации вопросы устройства мировой

[2] Сегодня Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ) преобразовано во Всемирную торговую организацию (ВТО).

[3] Подробнее см. во второй части этой книги «Бреттон-Вудс и мировой финансовый порядок второй половины XX века».

[4] Об этом стандарте мы скажем ниже.

валютно-финансовой системы не были самыми приоритетными, но тем не менее ее позиция по этим вопросам была сформулирована достаточно полно и внятно.

Рассмотрим подробнее историю этой конференции, которая оказала влияние (косвенное, опосредованное) на многие экономические и политические события и в мире, и в Советском Союзе в период между двумя мировыми войнами. Опыт Генуи может оказаться весьма полезным для сегодняшней России, когда отношения между нашей страной и Западом вошли в фазу обострения.

Как сегодняшняя Россия может нормализовать свои отношения с Западом? Как она может и должна использовать эту нормализацию для решения своих стратегических задач социально-экономического и политического характера? Как Российская Федерация от обороны в сфере экономической войны может перейти в наступление? Подсказку на эти и другие подобные вопросы мы можем найти в собственном опыте 20-х годов прошлого столетия. Обсуждаемая нами Генуэзская конференция оказала заметное влияние на последующие отношения России с Западом. На этой конференции наша страна впервые громко и уверенно заявила о двух основных своих принципах взаимоотношений с Западом:

во-первых, о желании развивать взаимовыгодные и всесторонние торгово-экономические отношения со всеми странами мира независимо от их социально-экономического и политического строя;

во-вторых, о готовности противостоять любому экономическому, политическом и военному давлению со стороны Запада.

Рассмотрим подробнее детали событий, связанных с подготовкой и проведением конференции, а также последующих событий в мире вплоть до начала Второй мировой войный[5]. А также попробуем понять, какие уроки мы могли бы извлечь из тех далеких событий для выработки эффективной политики современной России в отношении Запада.

[5] Среди последующих событий основное внимание уделено тем, которые связаны с тематикой Генуэзской конференции (репарации, долги по международным кредитам и займам, иностранные инвестиции, торговля, валютная система и т. д.).

Глава 1
Между Версалем и Генуей: обзор важнейших событий

Парижская мирная конференция и Версальский договор

Первая мировая война началась 28 июля 1914 года с объявления войны Австро-Венгрией Сербии и закончилась 11 ноября 1918 года, когда было заключено перемирие между Антантой и Германией[6]. Основные контуры послевоенного устройства мира были определены Парижской мирной конференцией[7], главной целью которой была выработка мирного договора. Такой договор был подписан 28 июня 1919 года в Версальском дворце во Франции, поэтому он получил название Версальского мирного договора. Таким образом, ровно через пять лет после убийства эрцгерцога Франца Фердинанда произошло официальное завершение Первой мировой войны 1914–1918 годов. Сторонами Версальского мирного договора были, с одной стороны, страны-победительницы, с другой стороны – капитулировавшая Германия. Позднее были подписаны мирные договоры и с другими странами, воевавшими на стороне Германии[8]. Версальский мирный договор вступил в силу 10 января 1920 года, после ратификации его Германией и четырьмя главными союзными державами – Великобританией, Францией, Италией и Японией.

Версальский мирный договор состоит из 440 статей и одного протокола. Договор делится на 15 частей, которые в свою очередь делятся на отделы.

На Парижской мирной конференции было принято решение о создании *Лиги Наций*; часто это выставляется в качестве главного результата конференции. Устав Лиги Наций был включен в текст Версальского мирного договора (раздел I). Подписание и ратификация договора означало, что страна становилась членом Лиги Наций. Высшим органом организации была определена Ассамблея. Высшим исполнительным органом стал Совет Лиги, состоящий из четырех постоянных и четырех непостоянных членов. Постоянными членами были Великобритания, Франция, Италия, Япония. Цели Лиги Наций включали в себя: разоружение, предотвращение военных действий, обеспечение коллективной безопасности, урегулирование споров между странами путем дипломатических переговоров, а также улучшение качества жизни на планете. Лига прекратила свое существование в 1946 году, когда ей на смену пришла Организация Объединенных Наций (ООН).

Если неформально оценивать Версальский мирный договор, то его основной и не афишируемой целью было закрепление передела мира в пользу государств-победителей. Германия лишалась в общей сложности территорий площадью 67,7 тыс. квадратных километров с населением 5,5 млн человек. Главным территориальным «бенефициаром» договора оказывалась Польша, которая приобретала в восточных частях Германии дополнительные территории в 43,6 тыс. кв. км с населением 2950 тыс. человек. На втором месте по величине территориальных «трофеев» оказалась Франция (14,5 тыс. кв. км; 1820 тыс. человек). Согласно условиям мирного договора, Германия возвращала Франции Эльзас-Лотарингию (в границах 1870 г.). Саар переходил на 15 лет под управление Лиги Наций, а по истечении 15 лет судьба Саара

[6] Для России Первая мировая война началась 1 августа 1914 года, когда Германия объявила войну России, и закончилась 3 марта 1918 года, когда в Брест-Литовске был заключен мирный договор между РСФСР и Германией.

[7] Конференция проходила с перерывами с 18 января 1919 г. по 21 января 1920 г. В ней участвовало 27 государств и пять доминионов Великобритании (Ньюфаундленд, Канада, Австралия, Новая Зеландия и Южно-Африканский союз).

[8] С Австрией был подписан Сен-Жерменский договор (10 сентября 1919 г.), Болгарией – Нёйиский договор (27 ноября 1919 г.), Венгрией – Трианонский договор (4 июня 1920 г.), Османской империей – Севрский мирный договор (10 августа 1920 г.). Позже Севрский мирный договор 1920 г. заменил Лозаннский мирный договор 1923 г.

должна была решиться путем плебисцита. Угольные шахты Саара были переданы в собственность Франции. За счет Германии приращивали свои территории также Бельгия, Дания, Чехословакия, Литва. Германия лишалась всех своих колоний, которые позднее были поделены между главными державами-победительницами на основе системы мандатов Лиги Наций[9]. Кроме того, Германия отказывалась от всех концессий и привилегий в Китае.

Большое количество статей Версальского мирного договора было посвящено *военным вопросам*, прежде всего демилитаризации Германии, включая демилитаризацию ее экономики.

Еще один блок вопросов – *репарации*, которые Германия должна была уплачивать государствам-победителям. Об этих вопросах мы будем еще специального говорить ниже. Отметим лишь, что в первое десятилетие после подписания Версальского мирного договора вопросы репараций оказались наиболее «жгучими», их обсуждение продолжалось непрерывно, первоначальные репарационные условия не раз пересматривались.

Хотя Россия не участвовала в работе Парижской мирной конференции и Версальского договора не подписывала, однако в указанном документе Россия упоминается. Согласно статье 116, Германия признавала «независимость всех территорий, входивших в состав бывшей Российской Империи к 1 августа 1914 года», а также отмену Брестского мира 1918 года и всех других договоров, заключенных ею с большевистским правительством. Статья 117 Версальского договора ставила под сомнение легитимность большевистского режима в России и обязывала Германию признать все договоры и соглашения союзных и объединившихся держав с государствами, которые «образовались или образуются на всей или на части территорий бывшей Российской Империи». Фактически Германии навязывалось соучастие (пусть и не прямое) в интервенции и блокаде, которые организовывались против России ее бывшими союзниками.

Версальский мирный договор лег в основу *Версальской системы*, в которую также включаются договоры стран-победительниц с союзниками Германии по войне (с Австрией, Венгрией, Болгарией, Османской империей). Послевоенный мировой политический порядок нередко называют *Версальско-Вашингтонской системой. Версальская система* была дополнена *Вашингтонской системой*. В основу последней легли договоры, которые были подписаны на Вашингтонской конференции, проходившей в 1921–1922 гг. (Вашингтонские договоры). Основной из них – «Договор четырех», подписанный Великобританией, Францией и Японией. Вслед за ним были также подписаны «Договор пяти» и «Договор девяти». Вашингтонские договоры регулировали межгосударственные отношения в Тихоокеанском регионе. Если «контрольный пакет» в Версальской системе захватили Великобритания и Франция, то в Вашингтонской системе он принадлежал Соединенным Штатам. Опираясь на Вашингтонские договоры, Вашингтон осуществлял эффективный политический, военный и экономический контроль в Тихоокеанском регионе. В частности, благодаря зафиксированным в Вашингтонских договорах принципам «открытых дверей» и «равных возможностей» в торговле и развитии промышленности Соединенные Штаты получили доступ ко всей территории Китая.

Следует обратить внимание на три важные особенности Версальского мирного договора.

Во-первых, Версальский мирный договор продемонстрировал истинные интересы главных организаторов Парижской мирной конференции – прежде всего, Великобритании и Франции. Договор носил хищнический, несправедливый характер. Он был нацелен не на обеспечение политических и экономических условий послевоенного взаимовыгодного сотрудничества государств и преодоление последствий войны, а на получение односторонних выгод странами Антанты в виде территорий, рынков и репараций. Такой договор «программировал» не долгосрочный мир, а войну, причем в недалеком будущем. Прочитав мирный договор, французский

[9] Позднее основные мандаты были выданы главным странам Антанты – Великобритании и Франции. Кое-что также перепало Португалии, Японии, Австралии, Новой Зеландии.

маршал *Фердинанд Фош* заявил: «Это не мир, это перемирие лет на двадцать». Француз оказался прав с точностью до двух месяцев[10].

Во-вторых, при всей значимости Версальского мирного договора для послевоенного устройства мира он не был всеохватывающим. Прежде всего, потому, что среди участников Парижской мирной конференции и среди подписантов документа не было России. Примечательно, что договор отказался подписывать Китай (из-за его постановлений, касавшихся передачи Шаньдуна Японии). Среди стран, присоединившихся к мирному договору, не оказалось и Соединенных Штатов. В связи с нежеланием США связывать себя участием в Лиге Наций, в которой на тот момент преобладало влияние Великобритании и Франции. Сенат США отказался ратифицировать данный мирный договор[11]. В противовес Версальскому договору США, как мы выше отметили, организовали подписание Вашингтонских договоров. Все это лишний раз демонстрирует, что Версальский мирный договор не сумел преодолеть межимпериалистических противоречий, которые существовали накануне Первой мировой войны и которые, по сути, к войне и привели.

В-третьих, Версальская мирная система не была всеохватывающей не только по участникам, но и по спектру вопросов. Многие крупные вопросы не регулировались мирным договором, они оказывались также за пределами полномочий и компетенции Лиги Наций. Прежде всего, это вопросы финансовые и экономические: урегулирование межгосударственных долгов, снятие барьеров в международной торговле, преодоление послевоенного экономического кризиса, восстановление разрушенной экономики, возвращение к золотому стандарту и т. п. Жизнь настоятельно диктовала странам необходимость обсуждения этих сложнейших финансово-экономических проблем, принятия на межгосударственном уровне соответствующих мер, последующей их практической реализации. Как ни парадоксально, но именно Версальский мирный договор стал препятствием для урегулирования многих финансово-экономических проблем. Особенно его положения о репарациях.

В Версальском договоре рассматривались лишь некоторые частные финансовые и экономические вопросы, касающиеся Германии. Положения части IX (ст. 248–263) предусматривали обязательство Германии передать союзникам золото и другие ценности, полученные ею в течение войны от Турции, Австро-Венгрии (в качестве обеспечения займов), а равно от России (по Брестскому мирному договору) и Румынии (в силу Бухарестского договора). Другие статьи этой части регулируют вопрос о долгах, падающих на территории, отошедшие по данному договору от Германии. Как правило, Германия была освобождена от уплаты таких долгов[12]. Часть X (ст. 264–312) регулировала некоторые аспекты экономической жизни Германии. Ей было запрещено устанавливать какие-либо ограничения на ввоз товаров из союзных стран. В то же время ей предписывалось распространить на торговлю и судоходство (рыболовство и каботаж) союзных и объединившихся держав принцип наибольшего благоприятствования. Германия должна отменить все соглашения и договоры экономического характера, которые она заключила во время войны с Австро-Венгрией, Болгарией, Турцией, а равно с Румынией

[10] Можно приводить еще много похожих оценок Версальского мирного договора. В. И. Ленин характеризовал Версальский договор как «…договор хищников и разбойников». Он писал: «Это неслыханный, грабительский мир, который десятки миллионов людей, и в том числе самых цивилизованных, ставит в положение рабов. Это не мир, а условия, продиктованные разбойниками с ножом в руках беззащитной жертве» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., изд. Т. 41. С. 352–353). Ниже мы еще приведем оценки Версальского договора известным английским экономистом Джоном Кейнсом, который был членом делегации Великобритании на Парижской мирной конференции и протестовал против грабительских условий договора.

[11] Позже, в августе 1921 года, дипломаты США заключили с Германией особый договор, практически идентичный Версальскому мирному договору, однако не содержавший статей, касающихся Лиги Наций.

[12] За исключением долга, падавшего на Эльзас-Лотарингию. Здесь Франция припомнила Германии, как после Франко-прусской войны Бисмарк аннексировал у Франции эту территорию, но при этом отказался принять на себя часть французского долга, падавшего на Эльзас-Лотарингию.

и Россией. Ряд других статей этой части регулирует вопросы частных контрактов, судебных решений, промышленной собственности и т. д.

Парижская мирная конференция и «русский вопрос»

Описание места и роли «русского вопроса» на Парижской конференции предлагаем по статье из «Дипломатического словаря»[13]. Несмотря на то, что Советская республика не была представлена на Парижской мирной конференции, «русский вопрос» занимал в ее работе первостепенное место и временами даже оттеснял на второй план ее основную проблему – германскую. Парижская мирная конференция открылась в момент, когда страны Антанты в осуществление англо-французского соглашения от 23 XII 1917 г. «О разделе зон влияния в России» проводили активную военную интервенцию в пределах Советского государства. В соответствии с этим соглашением Франция способствовала захвату Бессарабии Румынией, начала интервенцию в Крыму и на Украине, а Великобритания совместно с Францией и США высадили свои войска (в марте 1918 г.) в Мурманске и Архангельске. С конца мая 1918 года Англия и Франция руководили восстанием чехословацких легионов, растянувшихся от Волги до Сибири и Дальнего Востока. В апреле 1918 года Япония начала интервенцию на Дальнем Востоке, а в августе 1918 года к Японии присоединились Великобритания, США и Франция. Государства Антанты поддерживали контрреволюционные «правительства» Колчака за Уралом, Деникина на юге России, Чайковского на севере и Юденича на северо-западе. Равным образом они поддерживали Финляндию, Эстонию, Латвию, Польшу, Литву и Румынию в их борьбе против Советского государства. Таково было положение «русского вопроса» к моменту открытия Парижской мирной конференции. Основные руководители конференции и в частности «Большая четверка», ставившие перед собой задачу переустройства мира и перекройку карты Европы, отдавали себе отчет в том, что без решения «русского вопроса» не удастся стабилизировать послевоенное устройство мира. Так, например, накануне открытия конференции, отвергая французский проект программы ее работ, английская делегация заявила, что, по ее мнению, следует заниматься проблемами в порядке их срочности. «С этой точки зрения, – заявили англичане, – следует заняться сначала вопросом о России».

Хотя все члены «Большой четверки» считали, что «русский вопрос» необходимо разрешить и притом в первую очередь, мнения о способах разрешения этой проблемы у них резко расходились. Клемансо был наиболее последовательным сторонником не только продолжения, но и всемерного усиления вооруженной интервенции в Советском государстве. Он исключал какую бы то ни было возможность соглашения с Советским правительством и требовал установления «санитарного кордона» вокруг Советской республики. Программу Клемансо поддерживал заменявший премьер-министра Италии Орландо министр иностранных дел Соннино (который в вопросе о вооруженной интервенции был гораздо более настойчив, нежели Орландо). С концепцией Клемансо боролся Ллойд-Джордж, которого поддерживал президент Вильсон. Уже в конце декабря 1918 года выявились резкие разногласия между Ллойд-Джорджем, с одной стороны, и Клемансо – с другой. В этот период Ллойд-Джордж был едва ли не единственным крупным государственным деятелем Западной Европы, который отдавал себе отчет в безнадежности военных методов борьбы с «коммунистической опасностью» и который выдвигал идею переговоров с Советским правительством. В декабре 1918 года Ллойд-Джордж обратился к Клемансо с нотой, предлагая пригласить делегатов Советского правительства на Парижскую мирную конференцию. Клемансо резко отклонил это предложение. После ряда совещаний, по настоянию Ллойд-Джорджа, поддержанного Вильсоном, и при яростном

[13] Версальский мирный договор 1919 // Дипломатический словарь / Ред.: Вышинский А. Я., Лозовский С. А. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1948.

сопротивлении Клемансо, которого поддерживал Соннино, в январе 1919 года было решено созвать конференцию на Принцевых островах, куда пригласить представителей всех фактических правительств, образовавшихся на территории бывшей Российской Империи. На это приглашение Верховного Совета союзников Советское правительство ответило согласием. Вынужденный дать согласие на созыв конференции Клемансо за спиной Ллойд-Джорджа и Вильсона, при посредстве французских представителей при белогвардейских правительствах, предложил последним отказаться от посылки своих делегатов на Принцевы острова. Срывая конференцию, Клемансо опирался в этом также на консервативных членов английского правительства и в частности на лорда Керзона и на Черчилля. Конференция на Принцевых островах не состоялась. В начале марта 1919 года Вильсон, по соглашению с Ллойд-Джорджем, послал в Москву чиновника Государственного департамента Буллита («миссия Буллита») для зондажа и обсуждения с Советским правительством контуров возможного соглашения. Когда Буллит в середине марта вернулся из Москвы с проектом соглашения, обстановка в «русском вопросе» значительно изменилась. В коалиционном правительстве Ллойд-Джорджа победила консервативная часть, настаивавшая на продолжении и усилении вооруженной интервенции. В этих условиях Ллойд-Джордж не только отказался принять проект, привезенный Буллитом, но в публичном парламентском заявлении отрицал свою причастность к его поездке. Вскоре после этого начался так называемый первый поход Антанты против Советской республики.

На протяжении своей работы Парижская мирная конференция неоднократно занималась «русским вопросом». Это имело место при обсуждении вопроса о восточных границах Польши, о посылке в Польшу армии ген. Галлера, об очищении германскими войсками территории Прибалтики и т. д. При обсуждении «русского вопроса» «Большая четверка» приглашала и заслушивала представителей так называемого политического совещания (в лице бывшего министра иностранных дел России С. Д. Сазонова, бывшего посла Временного правительства в Париже В. А. Мак лакова и бывшего председателя «Северного правительства» Н. В. Чайковского).

Однако Парижская конференция оказалась бессильной не только разрешить «русский вопрос», но даже наметить возможные пути этого разрешения. Все же в этом вопросе Клемансо, несомненно, одержал победу над Ллойд-Джорджем и Вильсоном и превратил конференцию в центральный штаб вооруженной интервенции против Советской республики.

Парижская мирная конференция и репарации

На Парижской конференции проблема репараций заняла весьма большое место в дискуссии между союзниками и неоднократно грозила срывом переговоров. Французский тезис по репарационному вопросу заключался в следующем: Германия должна оплатить все убытки, нанесенные войной. Германия заранее должна принять на себя безусловное обязательство оплатить репарации в той сумме, которая будет установлена после конференции специальной комиссией. Иначе говоря, Германии предлагалось подписать пустой счет, в котором сумма будет проставлена позднее, причем без участия Германии. Англия и США полагали, что не следует заставлять Германию подписывать пустой счет. Исчисление суммы убытков – дело трудное и спорное. Поэтому необходимо установить какую-то глобальную (общую) сумму репараций и вписать ее в договор. Основная борьба происходила между Клемансо и Ллойд-Джорджем, последнего поддерживал Вильсон. Позиция Ллойд-Джорджа объяснялась не просто нежеланием слишком ослаблять Германию, а тем, что такое ослабление будет означать усиление Франции. Еще большие опасения вызывало то, что Германии в результате чрезмерных репарационных обязательств придется наращивать свой экспорт. «Чтобы она (Германия), – говорил Ллойд-Джордж, – могла заплатить то, что мы хотим… необходимо, чтобы она заняла на рынке еще более значительное место, чем то, какое она занимала до войны. В наших ли это инте-

ресах?»[14]. Длительная борьба по репарационному вопросу закончилась победой французской точки зрения. Более того, председателем репарационной комиссии был назначен представитель Франции. Создание специальной репарационной комиссии во главе с французским представителем фактически давало возможность Парижу контролировать экономику Германии.

Остановимся подробнее на Версальском мирном договоре в той его части, которая касается репараций. Им посвящен раздел VIII (ст. 231–247). Кстати, впервые участники Парижской конференции договорились о том, что они не будут пользоваться термином «*контрибуции*». Мол, это противоречит принципам цивилизованных стран. Ведь по сути контрибуции – дань, которую побежденные страны уплачивали победителям. А размеры дани определялись степенью алчности победителя. В XX веке, по замыслу участников Парижской конференции, все должно быть по-новому, «цивилизованно». Победители теперь должны ограничивать свои аппетиты и требовать от побежденных стран лишь такие суммы, которые компенсируют понесенные ущербы. В Париже на вооружение взяли термин «*репарации*» – возмещения, восполнения, компенсации убытков, понесенных победителем. Каждая страна-участница конференции старалась представить общему собранию различные документы и цифры, определяющие максимально полно ее репарационные претензии. Это и людские потери, и разрушения жилого фонда, предприятий, дорог и других объектов инфраструктуры, и военные расходы, и упущенные доходы, и многое другое. Никакой общей методологии оценок не было, поэтому каждая страна изобретала свои методы подсчета, иногда напоминающие фантазии или обыкновенное шарлатанство. Особенно старалась делегация Франции, которая при каждом удобном случае напоминала, что именно она понесла самые большие экономические потери в войне. И что же насчитали «цивилизованные» участники Парижской конференции?

В принципе можно было бы считать репарациями те обширные территории германских колоний, которые по Парижскому договору отходили победителям. Но алчные победители нашли лукавый ход, согласно которому их колониальные приобретения не подпадали под категорию «аннексии». Одна из основных задач создаваемой Лиги Наций заключалась в том, чтобы передавать бывшие германские колонии в управление странам-победителям на основе «мандатов». Систему мандатов Лиги Наций можно сравнить с концессиями, только концессионерами выступали не частные компании, а государства, а объектами концессий не рудники, месторождения или железные дороги, а целые страны.

Кроме того, победители секвестировали и арестовали германские заграничные активы в размере 7 млрд долларов, а также взяли в качестве «трофеев» большое количество германских патентов[15]. Эти «приобретения» в расчет репараций также не принимались.

Было решено, что Версальский мирный договор не будет фиксировать конкретной суммы репараций, поскольку быстро разобраться в пестром многообразии репарационных претензий союзников было просто невозможно. В ст. 231 Версальского договора устанавливалось, что «союзные и дружественные правительства объявляют, и Германия признает, что Германия и ее союзники ответственны за все потери и убытки, причиненные союзным и дружественным правительствам и их подданным в результате войны, навязанной им благодаря нападению Германии и ее союзников». Как отмечалось в ст. 232, Германия принимала на себя обязательство «возместить весь ущерб, причиненный гражданскому населению каждой из союзных и дружественных держав и его имуществу нападением на земле, на море и в воздухе в течение того периода времени, когда каждая из этих держав находилась в состоянии войны с Германией, и вообще возместить весь ущерб, определенный в приложении I к настоящему разделу». Приложение это весьма широко толкует понятие «ущерба, причиненного гражданскому населению»,

[14] Цит. по: Версальский мирный договор 1919 // Дипломатический словарь.

[15] *Павлов Н. В.* Внешняя политика Веймарской республики (1919–1932) / Н. В. Павлов // MGIMO.ru. 2011. Октябрь. – Интернет. Режим доступа:: www. mgimo.ru/study/faculty/mo/keuroam/docs/210929

включая сюда пенсии, которые уплачиваются и будут уплачиваться участникам войны, и всякие пособия семьям мобилизованных. Кроме того, ст. 232 заключает в себе также обязательство Германии взять на себя уплату долга, взятого во время войны Бельгией у ее союзников. Таким образом, Германии пришлось подписывать договор с «завязанными глазами», заранее соглашаясь с любыми репарационными требованиями.

Определение конкретных сумм обязательств Германии по репарациям и их распределение по странам-получательницам возлагалось на Репарационную комиссию, причем это должно быть сделано не позже 1 мая 1921 г. Репарационная комиссия была наделена широкими полномочиями, состояла из 5 членов. При этом представители Соединенных Штатов, Англии, Франции и Италии были постоянными членами; пятый член менялся в зависимости от повестки дня Комиссии. Представитель Японии включался в Комиссию тогда, когда обсуждались вопросы об ущербе на море или затрагивались интересы Японии; представитель Югославии – при рассмотрении вопросов, касающихся Австрии, Венгрии или Болгарии; во всех остальных случаях пятым членом Комиссии являлся делегат Бельгии. Впрочем, ждать окончательных решений Репарационной комиссии по суммам выплат союзники не намеревались. Версальский договор предусматривал предварительные взносы деньгами и натурой в счет тех сумм, которые будут установлены Репарационной комиссией.

Хотя никакой суммы репараций официально озвучено в Версальском дворце не было, однако в кулуарах конференции гуляли астрономические цифры. Французская делегация не скрывала, что собирается содрать с Германии семь шкур. Конечно, далеко не все участники Парижской конференции были согласны с таким подходом по вопросу репараций. Известный английский экономист *Джон Кейнс* участвовал в конференции в качестве представителя Британского казначейства. Этот англичанин в знак протеста против неприемлемых, как ему казалось, решений (в особенности, по репарациям) покинул конференцию, сложив свои полномочия. По горячим следам он написал книгу *«Экономические последствия Версальского договора»* (1919)[16]. В ней он заявил, что принятые решения не оставляют надежды на восстановление мирного хозяйства и что бремя репараций сделает последующие поколения побежденных стран данниками победителей, между тем хозяйственное возрождение Европы зависит от процветания каждого народа. Кстати, Кейнс считал, что, блокируя Россию (на тот момент торговая и морская блокада против России продолжала действовать), страны Антанты блокируют самих себя.

Кстати, статьей 116 Версальского договора оговаривалось право России на предъявление Германии реституционных и репарационных требований. Россия не спешила клевать на эту «наживку», понимая, что для реализации этого права бывшие союзники по Антанте потребуют от нее взамен во много раз больше. Конечно, репарационные претензии у России как страны, понесшей самые большие потери в войне, были значительными. Но Москва искала путей договориться с Берлином по вопросам взаимных претензий напрямую. Тем более, что в августе 1921 года Вашингтон создал прецедент прямого (в обход Версаля) мирного договора с Берлином.

Репарационные страсти после Парижской конференции

До конца апреля 1921 года официальной фиксированной суммы репараций не было. Гуляли разные неофициальные суммы, которые были продуктом работы экспертов. В 1918 году фигурировала цифра в 500 млрд, в 1919 – 375, в 1920 – 269 млрд золотых марок.

---

[16] Книга была переведена на русский язык и издана в РСФСР: *Дж. М. Кейнс.* Экономические последствия Версальского мирного договора. Пер. с англ. – М.: Гиз, 1922. Переиздание книги было в 1924 году. С тех пор эта работа Кейнса у нас не переиздавалась.

Последняя из названных цифр фигурировала в разных публикациях и средствах массовой информации на протяжении всего 1920 года. Чтобы читателю было более понятна эта величина, отметим, что она эквивалентна примерно 100 тысячам тонн золота. Между прочим, это на порядок больше общего объема золота, которое находилось в запасах центральных банков и казначейств всех стран мира в начале Первой мировой войны. По данным одного из наиболее авторитетных специалистов в области золота *Тимоти Грина*, в 1915 году официальный золотой запас Германии был равен 876 т. Золотые запасы других стран, по его данным, были равны (в тоннах чистого металла): США – 2568; Франция – 1457; Россия – 1250; Великобритания – 585; Италия – 397. Общий золотой запас всех стран, которые публиковали отчетность по этому показателю, в 1915 году составил 9392 т [17].

Специалисты в области экономической истории утверждают, что назначенные Германии в Париже репарации в несколько раз превышали годовой валовой внутренний продукт (ВВП) тогдашней Германии. По некоторым оценкам, накануне Первой мировой войны ВВП Германии был равен примерно 50 млрд зол. марок[18]. Для сравнения: после победы над Францией в Франко-прусской войне «железный канцлер» Бисмарк назначил побежденной Франции в 1871 году контрибуцию в 5 млрд франков, что примерно эквивалентно 13 % ВВП тогдашней Франции[19]. При тогдашнем золотом содержании франка контрибуция, назначенная Бисмарком, была эквивалентна 1450 т желтого металла. Франция полвека не могла успокоиться, вспоминая эту контрибуцию и называя ее «грабительской». И вот теперь Франция оказалась страной, которая более всех других участников конференции ратовала за максимальные репарации. Даже Великобритания на ее фоне вела себя сдержанно. «Цивилизованные репарации» образца 1919 года оказались больше «грабительских контрибуций» образца 1871 года в пересчете на золото в 69 раз!

Справедливости ради следует сказать, что сумма 269 млрд марок была неофициальной, вызывавшей горячие споры. В Версальском договоре никакой конкретной суммы репараций проставлено не было. Эту сумму до 1 мая 1921 года должна была определить Репарационная комиссия.

Период времени между ратификацией Версальского договора и Генуэзской конференцией – немногим более двух лет. За это время было множество попыток союзных держав придти к соглашению между собой и сговориться с Германией по основным пунктам репарационного вопроса. Набор вопросов был одним и тем же: 1) общий объем репараций; 2) график погашения репарационных обязательств и максимальные годовые объемы репараций; 3) формы репараций (денежная, поставки товаров); 4) распределение репараций среди стран-победительниц.

Не успели еще просохнуть чернила на Версальском мирном договоре, а союзники опять вернулись к вопросу о репарациях, одна конференция сменяла другую. Сначала на **конференции союзников в Сан-Ремо** (апрель 1920 г.), потом в **Хите** (май 1920 г.) и в **Булони** (июнь 1920 г.). На последней из названных конференций была предложена общая сумма репараций в 269 млн золотых марок. Репарации должны были выплачиваться долями ежегодно за 42 года (позже сумма репараций была пересмотрена). На всех конференциях сталкивались две точки зрения: непримиримо настроенной Франции и склонных к смягчению требований – Англии и Италии.

---

[17] *Катасонов В. Ю.* Золото в экономике и политике России. – М.: Анкил, 2009. С. 75.

[18] *Попов Г. Г.* Как плохие институты разрушают экономику. Пример Веймарской Германии // Журнал институциональных исследований, том 5, № 2, 2013.

[19] *Катасонов В. Ю.* Россия полностью выплатила США контрибуцию за проигрыш в холодной войне (19.11.2013) // Интернет. Режим доступа:: http:// www.nakanune.ru/news/2013/11/19/22331836/

Конференция в Спа (июнь 1920 г.). В отличие от перечисленных выше конференций на конференции в бельгийском городе Спа впервые приняли участие представители Германии. Предложение о ее приглашении для обсуждения вопросов репараций было принято по настоянию Англии на конференции в Сан-Ремо. Союзники потребовали объяснений, почему Германия не выплачивает репараций; на момент начала конференции поступило всего 8 млрд марок, между тем как по договору она должна предоставить 20 млрд. Представители Германии поставили вопрос о необходимости считаться с реальной платежеспособностью страны. 11 июля германский министр иностранных дел *Симонс* представил конференции свой меморандум. Он уверял, что требуемые с Германии 20 млрд марок репараций до 1 мая 1921 года фактически уже уплачены. Он настаивал на том, что союзники должны принять во внимание финансовое и экономическое положение Германии; в противном случае быстрый рост задолженности и инфляция сведут к нулю способность Германии выплачивать репарации.

Остро встал вопрос о поставках союзным государствам угля Германией в счет репараций. Согласно Версальскому договору, угольные поставки Германии должны были составлять 3,5 млн т в месяц, или 42 млн т в год. Вскоре после конференции Репарационная комиссия снизила норму поставок до 2,4 млн т в месяц. Фактически же во втором квартале 1920 года среднемесячные поставки равнялись 770 тыс. т, т. е. были в 3 раза ниже нормы. Германская делегация доказывала невозможность выполнения поставок угля. 10 июля на конференции неожиданно выступил с дерзкой речью германский «король угля и стали» *Гуго Стиннес*.

«Мы, реальные политики, – заявил Стиннес, – учитываем трудность, почти невозможность убедить вас, что нами приняты решительно все меры. Мы предвидим, что ввиду этого вы выдвинете угрозы насилия, оккупации Рурской области или чего-нибудь подобного. И даже если бы этот акт насилия был выполнен цветными войсками, появление которых в качестве носителей общественной власти возбудило бы гнев в сердце каждого белого и каждого немца, даже и в этом случае ни Франция, ни Европа не получили бы никакой выгоды»[20]. Стиннес стал прямо угрожать, что Германия не даст ни денег, ни угля для поставок, ни других товаров для выполнения репараций. Один из авторов «Истории дипломатии» проф. *И. И. Минц* следующим образом объясняет выпад германского «короля угля и стали»: «Речь Стиннеса отнюдь не была выражением его личной запальчивости, как пытались представить в Германии. То была обдуманная провокация. Всем было известно, что Германия не доставляла угля союзникам, между тем сотни тысяч тонн его продавались немцами на сторону. Стиннес, представлявший интересы тяжелой индустрии Германии, боялся, что лотарингская сталелитейная промышленность, получив немецкий уголь и кокс, явится опасным конкурентом для германских промышленников. Чтобы помешать этому, он готов был пойти на риск оккупации Рура; он не колебался нанести огромный ущерб всему германскому народному хозяйству, лишь бы отстоять интересы своей группы. Стиннес формально не согласовал своей речи с германским правительством; но он был приглашен в состав немецкой делегации в качестве официального эксперта. Его доводы и цифры легли в основу возражений германской делегации»[21].

Союзники отказались обсуждать возражения Германии. Немцам пришлось капитулировать. 16 июля 1920 году германская делегация подписала протокол, предложенный союзниками. Все «достижения» немцев свелись к тому, что месячная норма поставок угля была снижена с 2,4 млн до 2 млн т.

Пожалуй, наиболее значимым решением конференция было то, что на ней были окончательно зафиксированы доли в общем объеме германских репараций каждого из союзников (%):

Франции – 52

---

[20] Цит. по: История дипломатии. В 3 т. Т. 3. Дипломатия в период подготовки Второй мировой войны (1919–1939 гг.). Под ред. акад. В. П. Потемкина. – М.-Л.: Государственное издательство политической литературы, 1945. С. 93–94.

[21] Там же. С. 94.

Великобритании – 22
Италии – 10
Японии – 0,75
Бельгии – 8
Португалии – 0,75
Греции, Румынии и Югославии[22] – 6,5.

Примечательно, что хотя американский Сенат и не утвердил Версальского договора, за США было зарезервировано право получения своей доли репараций.

Конференция в Брюсселе (декабрь 1920 г.). На ней был выдвинут так называемый план Сейду, предвосхитивший основные положения будущего плана Дауэса; план этот предусматривал прогрессивно растущие годовые платежи Германии, поставки натурой, специальные гарантии платежей со стороны Германии, финансовый контроль союзников и предоставление международного займа; однако план был отвергнут.

Конференция в Париже (январь 1921 г.). Состоявшаяся в Париже союзническая конференция глав правительств установила 29 января 1921 году общую сумму репараций в размере 226 млрд золотых марок, которую Германия должна была выплатить в течение 42 лет. Кроме того, она обязана была выплачивать 12 % стоимости своего экспорта. Ежегодные платежи определялись в 2 млрд золотых марок в 1921–23 годах, в 4 млрд – 1923–25 гг. Затем годовые платежи выходили на уровень до 6 млрд. Одновременно союзники разрешили представить Германии контрпредложения по репарационному плану, которые предполагалось рассмотреть на Лондонской конференции в марте 1921 года.

Постановления Парижской конференции вызвали в Германии волну националистической кампании, продолжавшейся вплоть до следующей конференции, запланированной на конец февраля в Лондоне. 1 февраля министр иностранных дел *Симонс* выступил с официальным правительственным заявлением, в котором в резкой форме отклонил решение союзников. Позиция кабинета была поддержана партиями правительственной коалиции, от их имени 2 февраля в рейхстаге выступил демократ Шиффер. Прикрываясь заботой о немецком народе, он обвинил союзников в нарушении условий мирного договора и в стремлении уничтожить немецкий народ. С правительственным заявлением согласились социал-демократы и находящиеся в оппозиции националисты. Один из лидеров национальной партии заявил в рейхстаге, что его партию удовлетворяет «решительный тон» выступления Симонса, и призвал кабинет отказаться от выполнения Версальского договора. В последующие недели по всей Германии были инсценированы многочисленные марши и митинги протеста против принятых в Париже постановлений. На многочисленном митинге в Штутгарте 13 февраля Симонс заявил: «… требования союзников будут вечно висеть над немецким народом, как призрак… мы, скорее, предпочтем, чтобы нам навязали несправедливые решения, чем согласимся подписать их». Свое выступление в Карлсруэ 15 февраля Симонс закончил словами: «Ни один из немецких политических и государственных деятелей не может допустить того, чтобы немецкий народ в течение 42 лет нес тяготы репарационных платежей». 25 февраля Симонс ознакомил членов кабинета с основными Германскими контрпредложениями, подготовленными к Лондонской конференции. Суть их сводилась к следующему. Германия считает сумму в 226 млрд золотых марок необоснованной и предлагает снизить ее до 50 млрд. Но так как из этой суммы якобы уже выплачено 20 млрд, то оставшаяся часть репараций равна 30 млрд золотых марок. Для погашения этой суммы Германии должен быть предоставлен крупный международный заем. Симонс предполагал, что Германские контрпредложения могут не найти единодушной поддержки со

[22] Эти три страны не были представлены на конференции в Спа.

стороны союзников и прежде всего Франции. Но, как и прежде, он надеялся использовать противоречия между союзниками и особую позицию США, проявлявших значительный интерес к расширению экономического сотрудничества с Германией. Еще в начале февраля 1921 году американский представитель в Берлине Дрезел предупреждал британского посла д'Абернона о том, что американское правительство будет серьезно критиковать всякий план союзников, который «затруднит развитие американо-германской торговли». Представленный Симонсом проект не вызвал принципиальных возражений со стороны членов правительства. Осторожно высказывался о предложениях Симонса министр финансов Вирт. Он считал, что предложенная союзниками сумма репараций является чрезмерно высокой и невыполнимой, но ее отклонение приведет Германию к катастрофе. 26 февраля с содержанием немецких контрпредложений ознакомились лидеры политических партий и парламентских фракций. Они одобрили подготовленные Симонсом предложения, хотя и понимали, что германские условия выплаты репарации означают попытку ревизии Версальского договора[23].

Первая Лондонская конференция (февраль – март 1921 г.). Формально главными вопросами конференции были политические, связанные с Турцией и Ближним Востоком. Но вопросы репараций опять всплыли. Присутствовавшая на конференции Германия подняла вопрос о том, чтобы ограничить ее платежи общей суммой 50 млрд марок. Предложение было отвергнуто. Более того, союзники вновь констатировали, что Германия не выполняет своих репарационных обязательств. На этот раз Великобритания и Франция добились более консолидированной позиции по вопросу репараций. «Наметившееся франко-английское сотрудничество на Ближнем Востоке позволило обеим странам выступить с единой точкой зрения и по вопросу о репарациях»[24]. 3 марта союзники выставили Германии ультиматум: если она до 7 марта не признает репарационных обязательств, то союзники оккупируют города Дюссельдорф, Дуйсбург и Рурорт на правом берегу Рейна[25]. 7 марта Симонс передал союзникам ответ, в котором соглашался на уплату пяти первых ежегодных взносов в размере, предусмотренном парижским планом, но отказывался от фиксации всей суммы репараций. Ллойд-Джордж от имени союзников заявил, что германский ответ неудовлетворителен и указанные в ультиматуме санкции будут немедленно применены.

8 марта оккупация состоялась. 10 марта 1921 года германское правительство обратилось к Лиге Наций с протестом против расширения зоны оккупации германской территории, но протест был оставлен без ответа. После этого Берлин обратился за посреднической помощью к Вашингтону. Однако США отклонили посредничество, предложив Германии составить новую схему репараций и начать переговоры с союзниками.

Вторая Лондонская конференция (апрель – май 1921 г.). Напомним, что до 1 мая 1921 года Репарационная комиссия, согласно условиям Версальского мирного договора, должна была определить окончательную общую сумму репарационных обязательств Германии. Так вот, 27 апреля 1921 года комиссия сообщила Германии, что ее долг по репарациям определен в 132 млрд марок, не считая возложенного на Германию бельгийского долга в 5,6 млрд марок.

В конце апреля 1921 года открылась 2-я Лондонская конференция союзников, в работе которой Германия участия не принимала. Конференция утвердила окончательный план репарационных платежей, который в виде ультиматума 5 мая был передан германскому правитель-

---

[23] *Дюльгер А.* Репарационная политика Антанты и позиция правящих кругов Германии (июнь 1920 – май 1921 гг.) // Интернет. Режим доступа: http:// www.km.ru/referats/E0BBF4E96DB9428AA0BDB32795BF2948

[24] История дипломатии. Т. 3. С. 100.

[25] Ультиматум содержал и другие требования. В частности, требования выполнения условий Версальского мира о разоружении и выдаче виновников войны.

ству. Союзники установили общий размер репараций (в 132 млрд золотых марок), а сумму годовых платежей Германии (деньгами и натурой) – в 4,6 млрд марок. Лондонская конференция потребовал от Германии до 11 мая принять план репараций. В противном случае союзники угрожали 12 мая расширить зону военной оккупации в Руре. 11 марта за два часа до истечения ультиматума германское правительство Вирта приняло условия союзников.

В конце 1921 года министр иностранных дел Германии Вальтер Ратенау посетил Лондон и в течение трех дней вел переговоры с английским премьером и с Банком Англии на предмет получения кредитов. Берлин был готов даже платить высокие проценты, если суммы кредитов будут значительными. Сторонами было составлено письмо, основная идея которого сводилась к тому, что Германия настолько придавлена репарациями, что она не в состоянии пользоваться кредитами. Письмо представляло собой ответ Банка Англии Берлину, оно по согласованию сторон предназначалось для предания публичной огласке[26]. Опираясь на указанное письмо, Берлин обратился в Репарационную комиссию, заявив, что предстоящие 15 января и 15 февраля 1922 года выплаты оказываются под большим вопросом.

Каннская конференция (январь 1922 г.) ограничила платеж на 1922 год суммой в 2170 млн марок. Вскоре, однако, Германии был предоставлен мораторий на весь 1922 год. Полагаем, что мораторий был продиктован тем, чтобы хотя бы на время ослабить противоречия в стане союзников по вопросу репараций и дать им возможность сосредоточиться на «русском вопросе».

Отметим, что Генуэзская конференция проходила как раз в то время, когда многие участники уже думали о том, что же будет с их страной после истечения срока моратория. Об этом, естественно, думали и делегаты из Германии. А также делегаты из Франции, которые, наконец, ожидали получить необходимые вливания в свою экономику. Об этом думали и делегаты Великобритании, понимая, что им в очередной раз придется погрузиться в неприятные репарационные распри.

Об аннулировании Советской Россией внешних долгов

Одним из первых декретов советской власти был декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) от 21 января (3 февраля по новому стилю) 1918 года об аннулировании всех государственных займов царского и Временного правительств. Этот декрет (как и большинство других декретов советской власти) был крайне лаконичен (состоял из 10 статей). Статья 1 устанавливала, что обязательства, данные «правительствами российских помещиков и российской буржуазии», аннулировались задним числом, с 1 декабря 1917 года. Речь шла о обязательствах царского и Временного правительств, которые возникали в результате размещения облигационных займов или получения кредитов. Если для держателей ценных государственных бумаг внутри страны были сделаны некоторые послабления и исключения[27], то все внешние займы царского и Временного правительств аннулировались без исключений (статья 3). Общее руководство ликвидацией государственных займов возлагалось на Высший совет народного хозяйства, а сама процедура – на Государственный банк, который

[26] В письме был один секретный пункт, который не был обнародован. Банк Англии настоятельно рекомендовал Германии не соглашаться на передачу Франции остатков своего золотого запаса (чего Франция могла потребовать в порядке санкций). Более того, Банк Англии изъявлял готовность взять под защиту золотой запас Германии.

[27] Исключение делалось для малоимущих владельцев государственных бумаг на сумму не более 10 тыс. рублей – им предполагалось вручить именные свидетельства нового займа РСФСР. Список малоимущих должны были составить местные Советы, которые имели право аннулировать все сбережения, «приобретенные нетрудовым путем, даже если эти сбережения не превышали сумму в 5 тыс. рублей».

должен был немедленно приступить к регистрации всех облигаций государственных займов, а также других процентных бумаг, как подлежавших, так и не подлежавших аннулированию.

Общая сумма обязательств царского и Временного правительств на момент издания декрета составляла 60 млрд зол. рублей, причем 44 млрд руб. приходилось на внутренний долг, а 16 млрд руб. – на внешний. Учитывая, что держатели внутреннего долга получили возмещения очень незначительные, потери российских заимодавцев, возникшие в результате декрета ВЦИК от 21 января 1918 года, были в 3 раза больше, чем потери зарубежных кредиторов и заимодавцев. Конечно, это был серьезный удар для российских граждан. Независимо от того, к каким сословиям и классам они принадлежали. В России после Октябрьской революции было множество социальных волнений, протестов, бунтов. Некоторые из них потом переросли в Гражданскую войну. Но, что примечательно, почти никогда эти волнения, протесты и бунты не проходили под лозунгами «Верните нам наши долги!» Преобладали другие лозунги и требования.

Вскоре после этого большинство европейских государств заявили протесты. Представители союзных и нейтральных стран объявили декрет от 21 января 1918 года (а также последовавшие за ним декреты о национализации иностранных предприятий) «как бы несуществующими». Они заявили, что оставляют за собой право «настоятельно потребовать удовлетворения и возмещения всего ущерба и всех убытков»[28]. Особенно сильно пострадал от Декрета самый крупный из иностранных кредиторов царского правительства – Франция, в которой на 1914 год насчитывалось до 1,6 млн держателей царских займов на сумму до 12 млрд франков золотом.

В большинстве наших учебников и даже монографий по истории того периода времени говорится о том, что большевики отвергали все протесты из-за границы по поводу декрета от 21 января и ни на какие компромиссы с Западом не шли. Это не совсем так. Надо иметь в виду, что советская власть в период Гражданской войны и иностранной интервенции часто висела буквально на волоске. Большевики прекрасно понимали, что даже за так называемой Гражданской войной стоит Запад, который поощряет внутренние раздоры и помогает их врагам («белое движение»). В такие критические моменты большевики пытались выйти на руководителей союзных стран и договариваться с ними о прекращении вмешательства во внутренние дела нового государства. Козырной их картой в этом случае был отказ от аннулирования внешних долгов или, по крайней мере, согласие на переговоры по данному вопросу. Как отмечается в авторитетном источнике «История дипломатии», «Советское правительство… согласилось даже признать, на определенных условиях, иностранные долги, лишь бы прекратить интервенцию»[29].

Прецедентом признания внешних долгов большевиками стал *Брестский мирный договор с Германией* (3 марта 1918 г.). Брестский мир предусматривал также признание Россией долгов перед другими центральными державами и обязывал ее начать немедленно соответствующие выплаты. Весь долг перед Германией определялся довоенными займами и кредитами. Основная сумма долга России перед Германией (без процентов) по кредитам правительству, по гарантиям железнодорожных займов и ипотечным кредитам составляла около 1 млрд зол. руб. Конечно, признание Россией своих долгов по Брестскому миру было «добровольно-принудительным». Примечательно, что Брестский мир был подписан всего через четыре недели после издания декрета ВЦИК об аннулировании займов царского и Временного правительств.

В годы Гражданской войны и интервенции произошло такое интересное событие. В самом начале 1919 года «Совет десяти» (орган Антанты) предложил провести международ-

---

[28] *Которниченко В. Н.* К вопросу о национализации отечественной нефтяной промышленности в 1918 г. // Экономическая история. Обозрение / Под ред. Л. И. Бородкина. Вып. 10. – М., 2005. С. 87.

[29] История дипломатии. Т. 3. С. 55.

ное совещание по восстановлению мира в России с приглашением на него из России представителей противоборствующих сторон. В качестве места проведения совещания предлагались Принцевы острова. Советское правительство позитивно принято это предложение и согласилось участвовать в совещании. Более того, правительство РСФСР, демонстрируя серьезность своих намерений, 4 февраля 1919 года заявило, что готово признать долги предшествующих правительств, начать выплаты процентов по ним, а также предоставить концессии иностранным государствам или частным капиталистам[30]. Начало 1919 года было труднейшим моментом для Советского государства, когда страна оказалась в кольце интервенции, а войска Колчака и Деникина наступали. Запад сам отказался от своего первоначального предложения по проведению совещания на Принцевых островах. Видимо, Антанта также планировала такой сценарий развития событий, когда Москва в «добровольно-принудительном порядке» аннулирует свой декрет от 3 февраля 1918 года.

Можно также вспомнить «*миссию Буллита*». Вильям Буллит, один из членов американской делегации на Парижской мирной конференции (впоследствии посол США в СССР) был направлен от имени Америки и Англии в Советскую Россию в феврале 1919 года. Он должен был провести зондаж на предмет возможных переговоров указанных стран с Москвой. Буллит посетил Наркомат иностранных дел, также беседовал с Лениным. Председатель Совнаркома в целом согласился с предложениями Антанты по вопросу нормализации внутренней ситуации в России, по поводу установления отношений с бывшими союзниками, по торговле, по долгам и т. д. Антанта предлагала после установления мира в России начать переговоры по внешним долгам царского и Временного правительств. Ленин по данному пункту внес встречные предложения: а) распределить долги равномерно между теми странами, которые образовались на территории Российской Империи; б) зачесть в уплату долга то золото, которое было захвачено белочехами (часть так называемого колчаковского золота); в) зачесть в уплату долга золото, которое Советская Россия уплатила Германии по Брестскому миру (и которое после капитуляции Германии оказалось у Франции и Великобритании).

В целом реакция Москвы на предложения, привезенные Вильямом Буллитом, была повторением тактики эпохи Брестского мира. Тогда дело шло о том, чтобы вырваться из войны и добиться передышки; сейчас – о срыве интервенции и переходе к мирному строительству. Выступая на митинге 13 марта, Ленин сравнивал политику, связанную с принятием англо-американского предложения, с Брестским миром»[31]. Однако после возвращении Буллита в Европу английский премьер-министр Ллойд-Джордж и американский президент Вудро Вильсон охладели к идее переговоров с большевиками. Видимо, они сделали ставку на «силовой», а не «переговорный» способ решения проблемы русских долгов.

Некоторые историки избыточную готовность Ленина идти на все восемь условий Антанты, которые были озвучены Буллитом,[32] объясняют хитростью вождя большевиков. Они полагают, что Вильсон и Ллойд-Джордж расценили ответы Ленина как проявление слабости Москвы и решили «дожимать» ее военными методами. Вот пример такой трактовки: «И когда Буллит возвращается в Париж, Ллойд-Джордж и Вильсон решают, что в советском правительстве – полные идиоты и белогвардейцы скоро одержат победу. Поэтому они вообще отказываются от каких-либо переговоров с Лениным и запрещают Буллиту разглашать сам факт их попытки вступить в переговоры с Лениным, придав миссии Буллита статус секретной дипломатии. Ллойд-Джордж на заседании парламента в Лондоне цинично заявляет, что не имеет никакого отношения к миссии Буллита в России»[33].

---

[30] История дипломатии. Т. 3. С. 60–61.

[31] Там же. С. 63.

[32] Содержание условий см.: История дипломатии. Т. 3. С. 62.

[33] *Кременцова Е.* Как Ленин «продал» Россию // Интернет. Режим доступа: http://www.eg.ru/daily/politics/31389/

Примерно через год военная ситуация в России стала уверенно меняться в пользу большевиков. После Вильяма Буллита никто из западных деятелей не получал больше от Москвы предложений о признании прежних долгов (и, тем более, об их оплате). 28 октября 1921 года в советской ноте, адресованной союзникам и содержащей предложение провести международную конференцию по взаимным межгосударственным требованиям, Москва вновь заявила, что готова при определенных условиях признать довоенные долги.

Глава 2
Подготовка к Генуе

Советская нота от 28 октября 1921 года – старт подготовки конференции

Во многих работах о Генуэзской конференции написано, что она была инициирована Западом, прежде всего Великобританией. Однако, на наш взгляд, это не совсем точно. Первоначальный толчок дала Советская Россия. Отсчет подготовки конференции следует вести от *ноты советского правительства от 28 октября 1921 года*. В этом документе, адресованном бывшим союзникам, советская власть впервые выразила готовность признать обязательства по кредитам и займам царского времени. Однако обсуждение этого вопроса предлагалось вести в более широком контексте учета взаимных требований и претензий. Для такого обсуждения, как отмечалось в ноте, было целесообразно провести международную конференцию с участием России и всех заинтересованных стран.

Какова была реакция Запада на подобное предложение Москвы? Наибольший интерес проявила *Великобритания*, которая, как и другие европейские страны, переживала экономический кризис, однако в особо тяжелой форме. Взимавшиеся с Германии репарации уходили тут же за океан, в Соединенные Штаты, перед которыми Великобритания имела гигантский долг. Оставшиеся крохи репарации использовались для выплаты пособий безработным, коих в стране насчитывалось несколько миллионов. Многие государственные и политические деятели Великобритании с надеждой смотрели на Россию как потенциальный рынок, с помощью которого может начаться реальное восстановление английской экономики. Более чем за год до Генуэзской конференции, на январской конференции союзников в Париже английский премьер-министр *Ллойд Джордж*[34] признал, что без России Европе будет крайне сложно выйти из затянувшегося социально-экономического кризиса: «Брать от Германии товары, которые производятся в Англии и Франции (имеются в виду поставки ряда товаров Германией в порядке погашения ею репарационных обязательств – *В.К.*), значило бы только перенести голод из одного места в другое. Должен быть во чтобы то ни стало найден другой рынок для Германии; единственным доступным рынком является Россия, которая будет вывозить зерно, лен для Англии и Франции в обмен на мануфактурные изделия, получаемые из Германии»[35]. Одним словом, тогдашнее руководство Великобритании было склонно к тому, чтобы втянуть Россию в торгово-экономический обмен со странами Европы. Уже 16 марта 1921 года торгпредом Л. Б. Красиным от РСФСР и министром торговли сэром Робертом Хорном от Великобритании было подписано англо-советское торговое соглашение. Более того: английское правительство поощряло подписание таких соглашений другими европейскими странами, полагая, что таким образом будет снято излишнее давление на европейских товарных рынках[36]. С учетом сказан-

[34] Ллойд-Джордж (1863–1945) – британский политический деятель. Близкий друг Уинстона Черчилля. В 1916–1922 гг. – премьер-министр. По окончании Первой мировой войны возглавлял британскую делегацию на переговорах с Германией, подписал Версальский мир. Вместе с министром иностранных дел Джорджем Керзоном представлял Великобританию на Генуэзской конференции. В октябре 1922 г. ушел в отставку.

[35] Цит. по: *Любимов Н. Н., Эрлих А. Н.* Генуэзская конференция. Воспоминания участников. – М.: Издательство Института международных отношений, 1963. С. 150.

[36] Англо-советское торговое соглашение 1921 года положило начало целой серии полуполитических, полуторговых соглашений, заключенных советским правительством в течение 1921–22 гг. с рядом стран Западной Европы: 6.V. 1921 – с Германией, 2. IX. 1921 – Норвегией, 7. XII. 1921 – Австрией, 26. XII. 1921 – Италией, 1. II. 1922 – Швецией, 5. VII. 1922 – с Чехословакией.

ного не вызывает удивление положительная реакция Великобритании на советское предложение. В английских газетах стали появляться сообщения, что премьер-министр *Ллойд-Джордж* вступил в переписку с советским правительством на предмет уточнения позиций Москвы по ноте от 28 октября 1921 года.

Франция заняла достаточно жесткую позицию в отношении советских предложений. Париж считал, что с русскими договориться не удастся. Мнение Парижа было таково: лучше все усилия дипломатии стран Антанты сконцентрировать на Германии, добиваясь, чтобы она неукоснительно выполняла условия Версальского мирного договора. Такие приоритеты Парижа не трудно было объяснить, поскольку основная часть репараций Германия должна была уплачивать Франции как стране, наиболее пострадавшей в Первой мировой войне. Следует признать, что значительная часть и тех репараций, которые получал Париж, также уходила за океан, так как Франция наряду с Великобританией после Первой мировой войны стала крупнейшим должником Соединенных Штатов. Франция опасалась любой международной встречи с участием России, поскольку последняя при любой возможности критиковала Версальский мирный договор, называя его грабительским. Париж небезосновательно опасался, что Россия в Генуе будет призывать другие страны к пересмотру Версальского договора.

Еще более неприятным для Парижа был вариант, при котором Советская Россия стала бы требовать своей доли в общем «репарационном котле». Как известно, Франция получала более половины всех денег из этого «котла». Она на это имело все права, так как из западных стран Антанты Франция пострадала больше всех. Но даже громадные ущербы Франции бледнели на фоне еще более громадных ущербов России. Хотя Россия не заявляла своих претензий на свою долю в репарациях, Париж не исключал такого «хода» со стороны Москвы.

Германия достаточно ревниво отнеслась к готовности Лондона начать диалог с Москвой. Берлин опасался, что английские компании первыми захватят российский рынок. А ведь Германия задыхалась в удавке репараций и рассчитывала хотя бы частично ее ослабить за счет освоения российского рынка. Россия еще пребывала в кольце торгово-экономической блокады, а среди западного бизнеса уже начиналась незримая конкурентная борьба за российский рынок. Впрочем, позиции Германии (как проигравшей страны) были достаточно слабы как в экономическом, так и в дипломатическом отношении. Поэтому Берлин отрабатывал запасной вариант. Если уж Лондон обоснуется на российском рынке, то, по крайней мере, в этом случае у Берлина будет больше оснований просить у Лондона кредитов. Министр иностранных дел Германии *Вальтер Ратенау*[37] вел в 1921 году переговоры с правительством Великобритании и руководством Банка Англии на предмет получения кредитов, однако безрезультатно. Впрочем, Вальтеру Ратенау кое-чего удалось добиться в Лондоне. Кредитов не дали, но Ллойд-Джордж дал понять, что если Берлин не сможет выплатить очередные транши репараций, то Лондон готов начать переговоры о реструктуризации репарационных обязательств Берлина. И даже обещал в случае необходимости нейтрализовать Париж. Последний, как всем было очевидно, ни на какие пересмотры условий Версальского мирного договора не был готов. Париж даже заявил, что любые сбои в выплатах репараций будут иметь своим следствием оккупацию Францией территории Рура. В любом случае Германия была заинтересована в будущей конференции, рассчитывая, что там она сумеет ослабить единство стран-победительниц и начать расшатывать версальскую систему.

При такой раскладке сил английскому премьер-министру Ллойд-Джорджу пришлось искать пути нейтрализации жесткой позиции Франции в отношении будущей конференции

[37] Вальтер Ратенау (1867–1922) – германский промышленник и финансист еврейского происхождения, министр иностранных дел Германии с 1 февраля по 24 июня 1922 года. Наряду с канцлером Йозефом Виртом представлял Германию на Генуэзской конференции, был инициатором подписания Раппальского договора с Советской Россией и лично поставил подпись под этим документом. Был убит боевиками из экстремистской организации «Консул», ненависть которых вызывали подписанный Раппальский договор и его заверения в том, что Германия будет строго соблюдать условия Версальского договора.

(как якобы ненужной и даже вредной). Он предложил французскому премьер-министру *Аристиду Бриану*[38] заключение на десятилетний срок пакта о взаимной безопасности, который бы гарантировал Парижу военную поддержку со стороны Лондона в случае любых военных акций против Франции со стороны Германии. Это позволило нейтрализовать французских националистов, которые не желали никаких многосторонних переговоров с участием Германии и России в рамках конференции, которая была предложена в ноте советского правительства.

Запад блокируется. Каннская конференция и Каннские условия

Заметной вехой на этапе подготовки Генуэзской конференции стала *Каннская конференция* стран, входящих в Верховный совет Антанты. Между прочим, указанный Совет принимал все ключевые решения по вопросам организации торгово-экономической блокады против Советской России[39]. Каннская конференция проходила в январе 1922 года. В Канне было признано, что преодоление затянувшегося экономического кризиса в Европе возможно лишь при условии полноправного и полномасштабного вовлечения в торгово-экономические отношения России и Германии. Решено было созвать в Генуе в феврале или начале марта экономическо-финансовую конференцию. Всем европейским государствам, в том числе Советской России, Германии, Австрии, Венгрии и Болгарии, предлагалось прислать на нее своих представителей. При этом Верховный совет зафиксировал шесть условий, признание которых должно было содействовать успеху всего плана. Вот эти условия, на которые в ходе Генуэзской конференции ее участники часто ссылались (так называемые Каннские условия):

1. Невмешательство государств во внутренние дела других государств (конкретно: ни одно государство не может навязывать другому государству систему собственности, внутренней экономической жизни и управления).

2. Государство, предоставляющее кредит другому государству, должно быть уверено, что имущество и права его граждан будут защищены.

3. Признание правительствами всех обязательств по ранее полученным иностранным кредитам и займам, а также иностранным инвестициям. Без такого признания предоставление новых кредитов и займов исключается.

4. Организация финансово-денежного обращения, обеспечивающего ведение торговли.

5. Воздержание от пропаганды, направленной к низвержению существующего порядка в других странах.

6. Принятие странами взаимных обязательств воздерживаться от нападения на своих соседей.

В особом пункте заключительного документа Каннской конференции было оговорено, что если советское правительство потребует официального признания, то союзные державы могут согласиться на это лишь при принятии Россией вышеуказанных условий. Фактически Каннская конференция была репетицией перед Генуей. Репетицией, на которой европейские страны вырабатывали единую позицию в переговорах с Советской Россией. Начиная с Канн-

---

[38] Аристид Бриан (1862–1932) – французский политический деятель Третьей республики, неоднократно премьер-министр Франции, министр иностранных дел, внутренних дел, военный и юстиции. Лауреат Нобелевской премии мира 1926 года за заключение Локарнских соглашений, гарантировавших послевоенные границы в Западной Европе. Ушел в отставку с поста премьер-министра накануне Генуэзской конференции (в январе 1922 г.). Позднее еще два раза возвращался на этот пост (в 1925–1926 гг. и в 1929 г.).

[39] Верховный совет Антанты («Совет пяти») – высший руководящий орган стран-участниц Антанты. Был образован в конце Первой мировой войны и просуществовал до середины 1920-х гг. Выполнял функции «мирового правительства», решая судьбы всего послевоенного мира, согласно воле победителей. Влияние Совета уменьшалось по мере укрепления Лиги Наций. В Верховный совет Антанты на постоянной основе вошли пять государств – Великобритания, Франция, США, Италия и Япония. В Совет назначались премьер-министры первых четырех перечисленных держав, представитель Японии, а также представители их Генштабов. Совет в декабре 1917 г. принял решение об организации торговой и морской блокады против Советского государства, а в январе 1920 г. – о ее частичной отмене (Каннская резолюция Верховного совета Антанты).

ской конференции на протяжении трех месяцев до начала Генуэзской конференции шел непрерывный процесс формирования единого блока против Советской России на основе Большой Антанты[40] и Антанты в широком понимании[41].

Примечательно, что в Канн была приглашена Германия. Министр иностранных дел *Вальтер Ратенау* вел секретные переговоры с делегациями Великобритании и Италии и сумел добиться от них предварительного согласия на ослабление репарационного бремени. При выработке общей платформы Запада на Каннской конференции Германию в расчет не особенно принимали. Ее воспринимали скорее как объект, а не субъект мировой и европейской политики.

Формирование западного блока: центробежные и центростремительные процессы

После возвращения из Канна французский премьер-министр Бриан попал под огонь острой критики националистов как «соглашатель». Вскоре он был смещен, на смену ему пришел *Раймон Пуанкаре*[42]. Новый премьер ставил условием проведения конференции в Генуе с участием России не только признание ею старых долгов, но начало практических выплат под этим долгам. А также восстановление в правах иностранных (в первую очередь французских) держателей акций и других инвесторов. Уже не приходится говорить, что Пуанкаре настаивал на незыблемости репарационных обязательств Германии. В любом случае Франция настаивала на том, чтобы перенести начало конференции на три месяца. Париж опасался «особых» двухсторонних отношений между Лондоном и Москвой. Кое-кто из французских политиков, если верить тогдашним газетам, предлагал не взирать спокойно на британо-российское сближение, а опередить Лондон и заключить франко-российское соглашение. Франция постаралась перехватить инициативу подготовки конференции у Великобритании.

Для этого в феврале месяце по ее инициативе в Париже была проведена *конференция кредиторов России*. Некоторые современные исследователи говорят, что тогдашняя конференция кредиторов стала прообразом Парижского клуба кредиторов, который возник во второй половине XX века[43]. На конференции были представлены Ассоциация британских кредиторов, Главная комиссия для защиты французских интересов, кредиторы из Бельгии, Дании, Японии, США. Конференция потребовала, чтобы союзнические правительства добивались от Советской России признания всех долгов, а также принятия шести Каннских условий как предварительной платформы для переговоров. Сложилась такая атмосфера, которая сделала невозможным проявления какого-либо оппортунизма в отношении России со стороны правительства Ллойд-Джорджа. Пуанкаре и Ллойд-Джордж по согласованию с правительством Италии перенесли начало конференции в Генуе на 10 апреля.

---

[40] Большая Антанта – политический союз Великобритании и Франции. Еще была Малая Антанта, в которую входили Чехословакия, Румыния и Югославия. Антанта в первоначальном виде включала Великобританию, Францию и Россию (так называемый Тройственный союз, который сложился в 1904–1907 гг.). Россия после Октябрьской революции 1917 г. вышла из этого политического союза.

[41] Антанта в широком понимании – все страны, которые присоединись к первоначальной Антанте для войны с Германией и ее союзниками. Наиболее влиятельными новыми странами, составившими широкую Антанту, были США, Италия и Япония.

[42] Раймон Пуанкаре (1860–1934) – французский государственный деятель, президент Франции (Третья республика, 1913–1920). Трижды занимал пост премьер-министра (1912–1913, 1922–1924, 1926–1929 гг.). Хотя на Генуэзской конференции не присутствовал (главой французской делегации был министр юстиции и одновременно министр по делам Эльзаса и Лотарингии Луи Барту), однако неформально осуществлял руководство французской делегацией из Парижа.

[43] Парижский клуб кредиторов был создан в 1956 году и представляет собой неформальную организацию, состоящую на сегодняшний день из 19 постоянных членов (государств). Занимается урегулированием долгов перед государствами-кредиторами (в отличие от Лондонского клуба, который занимается долгами перед частными кредиторами).

Франция давно уже вынашивала план создания союза Прибалтийских государств под главенством Польши с целью использования этого союза для давления на Россию. Примечательно, что незадолго до Генуэзской конференции, 13 марта 1922 г., по приглашению польского Министерства иностранных дел в Варшаве собрались представители Польши, Латвии, Эстонии и Финляндии (Литва не была приглашена). 17 марта *Варшавская конференция* заключила политическое соглашение, известное под названием *Варшавского договора.* Под руководством Франции польско-балтийский блок должен был помешать сближению Англии с Германией и Советской Россией.

Что касается *Соединенных Штатов*, то они получили приглашение от организаторов конференции. Но Вашингтон от официального участия отказался, сославшись на то, что конференция будет решать преимущественно европейские вопросы, причем преимущественно политического, а не экономического характера. Это, конечно, вызвало некоторое разочарование стран Большой Антанты. Особенно Франции, которая явно рассчитывала начать на конференции разговор о реструктуризации долга европейских стран Большой Антанты перед США. Проблема была крайне острой. Так, годовой бюджет Франции составлял в начале 1920-х годов 25 млрд франков, из них 2 млрд фр. шли на оборону, а 13 млрд – на выплату долгов Соединенным Штатам. Таким образом, Франция тратила $^{3}/_{5}$ своего бюджета на ликвидацию последствий военных расходов прошлых лет (они финансировались за счет американских кредитов) и текущих военных расходов. Париж рассчитывал, что на конференции в союзе с Лондоном и Римом ему удастся добиться смягчения долгового бремени. Государственный секретарь США Чарльз Юз в своем письме организаторам Генуэзской конференции, мягко отводя приглашение, между тем солидаризировался с Каннскими условиями. Вашингтон поддерживал требование союзников о погашении Россией своих обязательств по кредитам довоенного и военного времени. И это понятно: Соединенные Штаты опасались, что «дурной пример» Советской России может заразить европейские страны. А ведь долг союзников Америке превышал 10 млрд долл. (львиная доля его приходилась на две страны – Францию и Великобританию).

Такова была непростая обстановка в стане западных стран накануне Генуи. Последняя серьезная веха на пути к Генуе – *Лондонская встреча экономических и финансовых экспертов.*

Лондонский меморандум как ультиматум России

Буквально накануне Генуэзской конференции (за три недели до ее начала) бывшие союзники России по Первой мировой войне (Великобритания, Франция, Италия, Бельгия и Япония) собрали совещание экспертов для выработки общего пакета требований к нашей стране. Совещание проходило в Лондоне с 20 по 28 марта 1922 года. Были подготовлены проекты резолюций по самым разным вопросам, они были сведены в общий документ, который на Генуэзской конференции фигурировал как Лондонский меморандум. Меморандум включал 61 статью, которые были сгруппированы в четыре части:

1. Восстановление России.
2. Условия, при которых иностранные предприятия и иностранный капитал могут быть привлечены к делу восстановления России.
3. Меры, которые обеспечили бы быстрое восстановление России.
4. Восстановление Европы.

Документ не только не был доведен до сведения правительства РСФСР до начала конференции, но даже сам факт его подготовки держался в секрете. Запад планировал представить Лондонский меморандум советской делегации непосредственно в Генуе, рассчитывая «додавить» Россию с помощью эффекта внезапности.

Во вступлении к первой части Лондонского меморандума было сделано лицемерное заявление, что Запад озабочен судьбой русского народа и стремится к тому, чтобы помочь Рос-

сии восстановить разрушенное войной хозяйство. Второй тезис сводился к тому, что такому восстановлению может помочь западный капитал: «Хозяйственное восстановление России в значительной мере зависит от поддержки, которую Россия получит от иностранных предприятий и иностранного капитала». Третий тезис: иностранный капитал в России должен получить надежную защиту со стороны государства, он также должен иметь необходимую свободу операций, в том числе операций по ввозу и вывозу товаров.

Все условия Запада к России могут быть разделены на две большие группы. Первая – условия, связанные с ликвидацией прошлого (этому посвящена вторая часть меморандума). Вторая – условия, необходимые для будущего (третья часть меморандума).

Если говорить коротко, то условия по ликвидации последствий прошлого сводятся к погашению Россией перед иностранцами тех своих обязательств, которые возникли как при прежних правительствах, так и нынешней власти в России. Под прежними правительствами понимались, прежде всего, царское правительство (до февраля 1917 г.) и Временное правительство (февраль – октябрь 1917 г.). Не очень понятно из Лондонского меморандума, понимались ли под прежними властями «самостийные» правительства времен Гражданской войны типа правительства Деникина или Колчака. У таких правительств, как известно, также возникали финансовые обязательства перед Западом. В документе фигурирует понятие «обязательства местных и региональных властей» на территории России, что давало возможность самого широкого толкования. Формулировки документа также давали возможность самого широкого толкования убытков, понесенных иностранцами в России. Западные эксперты, таким образом, заложили в документ возможность требовать от Советской России погашения и тех убытков, которые иностранные инвесторы понесли в связи с Первой мировой войной (которую, как известно, Россия не развязывала).

Для оценки величины обязательств Советской России перед иностранцами и определения порядка их погашения Лондонский меморандум предусматривал создание Комиссии русского долга. Хотя предусматривалось, что в Комиссии будет представитель РСФСР, другими ее членами должны быть иностранцы. В дополнение к Комиссии предлагалось создать смешанные третейские суды, которые также должны были заниматься урегулированием долгов России. Слово «смешанные» камуфлировало тот факт, что контроль в судах также был за иностранными представителями. Это была откровенная попытка поставить нашу страну под внешнее управление, лишить ее национального суверенитета.

После определения сумм долгов предлагалось все обязательства РСФСР оформить в виде единых облигаций. Вместе с тем эти бумаги должны были быть номинированы в разных валютах с учетом стран держателей долгов. Облигации должны были быть обеспечены, как сказано в документе, «всем достоянием Российского государства». Проценты по облигациям и сроки их погашения должны быть определены дополнительно. России позволялось осуществлять досрочный выкуп долговых бумаг.

Что касается создания в России условий по привлечению иностранного капитала в будущем, то особый упор в Лондонском меморандуме был сделан на судопроизводство. Предусматривалась возможность разрешения споров в иностранных судах. А договоры, контракты, иные юридические документы, подписываемые иностранцами при ведении деловых операций в России, могли предусматривать использование законов других стран в судах. В меморандуме оговаривалась недопустимость конфискаций, национализаций, реквизиций имущества иностранцев.

Хотя в меморандуме говорилось, что иностранным инвесторам должны предоставляться равные с местными предпринимателями условия, однако на самом деле первые должны были находиться в более привилегированном положении. Например, предусматривался иммунитет иностранцев от исполнения решений судов. Самое большое, что грозило иностранцу, – высылка из страны. Фактически Лондонский меморандум предлагал России в проведении

своей экономической политики ориентироваться не на национальные интересы, а на интересы иностранных инвесторов. Например, статья 27 меморандума гласила: «Налоги, пошлины и всякого рода повинности, падающие на промышленность, торговлю или другие занятия иностранцев, обосновавшихся в России, не должны препятствовать извлечению нормальной прибыли на затраченный капитал». А статья 28 предусматривала создание на территории России «оазисов» для иностранцев: «В некоторых портах должны быть установлены свободные зоны». В общем, часть третья меморандума содержит такие условия, которые весьма напоминают современные требования Запада к Российской Федерации по созданию «инвестиционного климата» для иностранцев.

Меморандум содержал ряд «рекомендаций», которые были вроде бы адресованы всем участникам Генуэзской конференции (часть IV «Восстановление Европы»). Но фактически они предназначались для России. Например, говорилось о необходимости восстановления мировой валютно-финансовой системы на основе золотого стандарта. На начало 1922 года существовавший до войны в европейских странах золотой стандарт еще нигде не был восстановлен. Но попытки предпринимались. А вот заявления некоторых представителей Советской России по финансово-денежным вопросам Запад настораживали. В частности, были большие подозрения, что Россия собирается вообще восстанавливать золотой стандарт. Напомним, что в России он был введен в 1897 году («золотой рубль С. Витте»), и действие его было приостановлено в связи с началом Первой мировой войны. Статья 30 меморандума предусматривала проведение в ближайшем будущем совещания центральных банков всех заинтересованных стран для обсуждения вопросов восстановления международных валютно-финансовых отношений. А статья 36 предусматривала заключение европейскими странами международной конвенции, предусматривавшей введение золотого стандарта.

В меморандуме также говорилось о том, что для скорейшего экономического восстановления Европы странам следует как можно скорее отказываться от ограничений, которые они ввели на экспорт и импорт товаров (ст. 46–48, 53). Специально про Россию ничего в этом контексте не говорилось. Но между строк читалось, что это требование было адресовано в первую очередь именно РСФСР. Советские власти уже в 1918 году установили государственную монополию внешней торговли. Западом эта монополия рассматривалась как грубейшее нарушение принципов экономической и торговой свободы. Требование отмены государственной монополии внешней торговли было, пожалуй, вторым по важности условием Запада после требования признания Советской Россией внешних долгов царского и Временного правительств. Обратим внимание, что как раз накануне Генуэзской конференции, 13 марта 1922 года, СНК и ВЦИК РСФСР приняли постановление «О Внешней торговле». По данному постановлению, вся внешнеторговая деятельность РСФСР должна была осуществляться только через зарубежные советские торговые представительства, уполномоченными (торгпредами) Народного Комиссариата внешней Торговли РСФСР (НКВТ). Советская Россия как бы заранее предупреждала участников конференции, что от государственной монополии внешней торговли она отступаться не будет. Фактически Лондонский меморандум по своему духу и букве находился в вопиющем противоречии с первым условием Каннской конференции (признание за каждой нацией полного суверенитета в установлении систем собственности, хозяйства и управления в своей стране). По сути, на Лондонской встрече России был подготовлен ультиматум.

Советская Россия: подготовка к Генуе

Теперь относительно *Советской России* накануне конференции в Генуе. Москва не питала никаких иллюзий по поводу того, что Запад будет выкручивать России руки. Главной целью, которую преследовала Россия своим участием в конференции, было добиться признания страны Западом. А такое признание, в свою очередь, должно было облегчить торговлю и

получение кредитов. Если не уничтожение, то, по крайней мере, ослабление торгово-экономической блокады, которая уже продолжалась более четырех лет. Почти в любом исследовании, относящемся к тому времени российской истории, приводятся известные слова *В. И. Ленина*: «Мы с самого начала, – говорил Ленин, – заявляли, что Геную приветствуем и на нее идем; мы прекрасно понимали и нисколько не скрывали, что идем на нее как купцы, потому что нам торговля с капиталистическими странами… безусловно необходима, и что мы идем туда для того, чтобы наиболее правильно и наиболее выгодно обсудить политически подходящие условия этой торговли, и только».

Ленин считал, что даже если конференция закончится ничем или что даже если Россию выгонят с конференции, все равно в Геную ехать надо. Следует руководствоваться правилом «вода камень точит». Даже если не удастся добиться никаких торгово-экономических результатов на конференции, политические и идеологические дивиденды Россия получить в Генуе обязана! «Все искусство в том, – писал Ленин Наркому иностранных дел г. Чичерину 14 марта 1922 г., – чтобы и ее, и наши, купцовские предложения сказать ясно и громко до разгона (если "они" поведут к быстрому разгону)… Всех заинтригуем, сказав: "Мы имеем широчайшую и полную программу". Если не дадут огласить, напечатаем с протестом. Везде "маленькая оговорка": "мы-де, коммунисты, имеем свою коммунистическую программу (III Интернационал), но считаем все же своим долгом, как купцы, поддержать (пусть $^{1}/_{10.000}$ шансов) пацифистов в другом, т. е. буржуазном лагере (считая в нем 2 и 2 $^{1}/_{2}$ Интернационалы)". Будет и ядовито, и по-"доброму" и поможет разложению врага. При такой тактике мы выиграем и при неудаче Генуи. На сделку, невыгодную нам, не пойдем»[44].

Напомним, что формально на конференцию в Генуе было приглашено лишь государство с официальным названием «РСФСР». Между тем решения, которые должны были приниматься на конференции, могли затрагивать интересы соседних братских государств. Они еще не успели объединиться в единое союзное государство (это произошло лишь в декабре 1922 года, когда был создан СССР). С учетом этого обстоятельства 22 февраля 1922 года в Москве было созвано совещание представителей Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, Азербайджанской ССР, Армянской ССР, Белорусской ССР, Бухарской Народной Советской Республики, Грузинской ССР, Дальневосточной Республики (ДВР), Украинской ССР и Хорезмской Советской Республики. Представители восьми республик подписали протокол о передаче РСФСР защиты интересов всех республик; ей они поручили заключить и подписать на Генуэзской конференции от их имени все договоры и соглашения как с государствами, представленными на конференции, так и с иными государствами.

Подготовка России к конференции велась по нескольким следующим направлениям.

1. Оценка сумм долгов, которые возникли в результате получения кредитов и займов в период до начала Первой мировой войны (царские долги) и в период Первой мировой войны (военные долги).

2. Оценка сумм имущества, принадлежавшего иностранцам в России (акционерный капитал, неакционерные формы собственности) до прихода к власти большевиков.

3. Оценка ущерба, который был причинен России в результате интервенции и торгово-экономической блокады со стороны бывших союзников.

4. Оценка потребностей Советской России в новых кредитах и займах, подготовка концессионных предложений.

5. Прочие экономические вопросы (в том числе предложения по формированию послевоенной международной валютно-финансовой системы).

[44] *Ленин В. И.* ПСС. Т. 45. С. 34.

6. Политические вопросы (мирный договор, статус Лиги Наций, предложения о всеобщем разоружении и др.).

Решением Политбюро ЦК РКП(б) была создана комиссия по подготовке к Генуе во главе с наркомом иностранных дел Г. В. Чичериным. В нее вошли также Г. М. Кржижановский (председатель Госплана), Н. Н. Крестинский (полпред РСФСР в Германии[45]), Л. Б. Красин (торгпред и полпред РСФСР в Великобритании[46]), М. М. Литвинов (заместитель наркома иностранных дел), А. М. Лежава (заместитель наркома внешней торговли), А. А. Иоффе (председатель и туркестанского бюро ЦК РКП (б), и туркестанской комиссии ВЦИК), Г. Я. Сокольников (заместитель наркома финансов) и С. С. Пилявский (секретарь комиссии).

К конференции готовились очень тщательно. Например, Г. Чичерин писал секретарю комиссии С. С. Пилявскому: «Наша делегация должна будет иметь с собой памятные записки по всем вопросам, и к ним должны быть приложены материалы исторические, юридические и прочие. Необходимо, чтобы наши делегаты могли в любой момент положить на стол любой документ, требующийся для обоснования нашей позиции». Н. Н. Крестинскому, полпреду в Берлине, он поручает приобрести необходимую иностранную литературу по вопросам мировой политики, истории и права и т. п.

Продумывались не только политические, юридические и экономические вопросы, но также технические. Например, советской делегации нужна была надежная и оперативная связь с Москвой, особенно учитывая, что глава делегации (Ленин) находился за тысячи километров от Генуи. Еще 16 января 1922 года Председатель Совнаркома приказывал: «Тотчас найти лучших и вполне надежных шифреров, поручив им подготовить к Генуе самые надежные шифры (с ключами, меняющимися каждый день) на весь период Генуи».

[45] Номинально был также наркомом финансов, но фактически руководство Наркоматом финансов осуществлял Г. Я. Сокольников, который осенью 1921 г. был назначен членом коллегии НКФ, а в 1922 г. занял пост заместителя наркома финансов.

[46] Был также наркомом внешней торговли, однако, текущими делами Наркомата внешней торговли фактически руководил заместитель наркома А. М. Лежава.

Глава 3
Информация для советской делегации в Генуе

Подготовка встречных требований к Антанте

Оценка ущерба, который был причинен России в результате интервенции и торгово-экономической блокады со стороны бывших союзников, осуществлялась в рамках так называемой Комиссии Громана. Полное ее название – *Комиссия по исследованию и учету влияния на русское народное хозяйство войны и блокады Советской России Антантой*. Была образована при Наркомате внешней торговли постановлением Совета Труда и Обороны (СТО) 24 марта 1920 года. Ее председателем был назначен В. Г. Громан[47]. Позднее ее фактическим руководителем стал А. Г. Гойхбарг[48].

Об этой комиссии мало что известно. Приведем некоторые любопытные факты[49]. Вокруг Комиссии велись разные интриги. 7 сентября 1920 года Совнарком постановил, что к 5 октября вся работа комиссии должна быть завершена и все материалы сданы в Наркомат внешней торговли. 5 октября 1920 года Совнарком принял к сведению сообщение А. М. Лежавы[50] о том, что Комиссия ликвидирована.

27 ноября того же года в депеше Г. В. Чичерина Л. Б. Красину сообщается: «Восстановление Комиссии Громана Внешторгом и нами (Наркоматом иностранных дел. – *В.К.*) тормозится статистиком Поповым[51], который хочет участвовать. Совнарком его почему-то поддержал. Трения продолжаются. Надеемся вскоре пустить Комиссию в ход»[52]. Это депеша из архива Ленина. Он ее читал. Приведенный выше абзац подчеркнул, на полях очертил тремя линиями, а также поставил два восклицательных и два вопросительных знака.

Вот запись в журнале секретариата В. И. Ленина, которая датируется 14 декабря 1920 года: Ленин читает шифрованную телеграмму председателя советской торговой делегации в Лондоне Л. Б. Красина с просьбой прислать результаты работы комиссии под председательством В. Г. Громана по исследованию и учету влияния на все стороны народного хозяйства и общественной жизни Советской страны империалистической войны и организованной Антантой вооруженной интервенции и блокады. Ленин направляет телеграмму Красина А. Г. Гойхбаргу, занимавшемуся проверкой и завершением работы комиссии Громана, с запиской, в которой просит прислать ему проект ответной телеграммы Красину, предлагает примерный план ответа[53].

Видимо, в каком-то виде Комиссия продолжает существовать, но работает ни шатко ни валко. В письме Л. Б. Красина В. И. Ленину от 8 ноября 1921 года он эмоционально пишет о срыве работы комиссии Громана. Вот фраза из письма: «Из-за каких-то несчастных пайков

---

[47] Громан Владимир Густавович (1874–1940) – статистик, член коллегии ЦСУ РСФСР, член коллегии ЦСУ СССР, член президиума Госплана СССР. В 1930 г. арестован по обвинению в меньшевизме. После ареста до конца жизни находился в заключении.

[48] Гойхбарг Александр Григорьевич (1883–1962) – юрист, член ВКП(б). В 1947 г. был арестован за антисоветскую агитацию. С 1948 г. до конца жизни находился на принудительном лечении в учреждениях психиатрического профиля.

[49] Эти факты, помимо всего, базируются на таких источниках, как пятое (полное) собрание сочинений В. И. Ленина (т. 52, 54; вместе с примечаниями).

[50] Лежава Андрей Матвеевич (1870–1937) – советский государственный и партийный деятель, член комиссии по подготовке к Генуэзской конференции, в 1921–1922 гг. заместитель наркома внешней торговли.

[51] Скорее всего, речь идет о Павле Ильиче Попове (1872–1950), который в те годы (1918–1923) был начальником Центрального статистического управления РСФСР.

[52] *Ленин В. И.* ПСС. Т. 52. С. 351 (прим. 36).

[53] ЦПА ИМЛ. Ф. 2, оп. 1, д. 16533.

остановили эту работу на полпути. **Комиссия Гойхбарга все скомкала и сколько-нибудь убедительных данных не добыла, и теперь мы при переговорах окажемся с пустыми руками»**[54].

В. И. Ленин в письме от 19 ноября 1921 года пишет Д. И. Курскому[55]: «Т. Курский. Красин очень боится, что работа комиссии Громана (размер наших убытков от интервенции) скомканы Гойхбаргом».

Д. И. Курский 21 ноября 1921 года сообщил Ленину, что материалы комиссии по определению убытков сохранены, находятся в НКИД и дорабатываются комиссией, созданной постановлением СНК 1 ноября 1921 года Курский предложил решением СНК назначить ответственным за хранение материалов С. С. Пилявского[56] и определить срок завершения работ комиссии – 1 декабря 1921 года.

На письме Курского имеется следующая надпись Ленина: «Горбунову. Поставить завтра, 22/XI, в СНК. 21/XI. Ленин». 22 ноября Совнарком заслушал доклад Д. И. Курского и принял его предложение. Отметим, что работа комиссии продолжалась и после указанной даты (1 декабря 1921 г.), т. к. материалы и документы продолжали поступать из разных мест.

На заключительном этапе к работе по оценкам ущерба был подключен Институт экономических исследований при Наркомате финансов РСФСР. Об этом мы узнаем из воспоминаний одного из участников Генуэзской конференции Н. Н. Любимова[57] (в статусе эксперта), который принимал активное участие в оценке ущербов в последние месяцы перед конференцией. Приведу фрагмент воспоминаний Н. Н. Любимова, имеющий отношение к работе по подготовке документа «Претензии России к государствам, ответственным за интервенцию и блокаду»: «Никогда не забуду, как в течение трех месяцев почти ежедневно возле моего дома раздавался звук автомобильного рожка: во дворе, в видавшем виды «Кадиллаке» меня ожидал С. С. Пилявский, помощник заместителя наркома иностранных дел М. М. Литвинова. Пилявский весьма педантично относился к своим обязанностям и, доставляя меня в НКИД (уже после переезда из «Метрополя» на Кузнецкий мост), передавал ключ от сейфа, где я находил материалы, прибывавшие со всех концов страны, об ущербе, причиненном народному хозяйству иностранной интервенцией и блокадой. Эти материалы необходимо было ежедневно (точнее еженощно) систематизировать и обрабатывать. Поступавшие из ведомств или с «окраин» новые данные требовали постоянного пересматривать все расчеты.

Ходом работы не раз устно и письменно интересовался Г. В. Чичерин. О. Ю. Шмидт, бывший в то время начальником Главпрофобра и одновременно членом коллегии НКФина, ведал Институтом экономических исследований. В этом институте мне было поручены руководство и координация всех подготовительных работ к Генуе, проводившихся в Москве (и в широком плане также в Петрограде). Когда я закончил всю работу по составлению «Контрпретензий России к державам, ответственным за интервенцию и блокаду», а также подведению баланса взаимных требований и долгов, О. Ю. Шмидт доставил меня в Кремль – на заседание Малого Совнаркома. Для доклада мне было предоставлено пять минут (председательствовал недавно скончавшийся юрист А. Г. Гойхбарг).

Позднее О. Ю. Шмидт рассказывал нам, что В. И. Ленин, которому Шмидт показал составленные мною таблицы подсчетов, одобрил. Таким образом, «Баланс взаимных требова-

---

[54] Подчеркнуто Лениным. Ленин также отчеркнул на полях это место двумя чертами и написал: «вздор». – *В.К.*

[55] Курский Дмитрий Иванович (1874–1932) – первый советский прокурор, нарком юстиции (1918–1928).

[56] Пилявский Станислав Станиславович (1883–1937). Перед Генуэзской конференцией был помощником заместителя наркома иностранных дел М. М. Литвинова и секретарем комиссии по подготовке к Генуэзской конференции

[57] Любимов Николай Николаевич (1894–1975) – советский экономист, Герой Социалистического Труда (1974). Перед Генуэзской конференцией был сотрудником Наркомата финансов РСФСР, занимал пост заместителя директора Института экономических исследований. В последние годы жизни преподавал в Московском государственном институте международных отношений МИД СССР.

ний…» был включен в состав важнейших материалов, комплектовавшихся для Генуи С. С. Пилявским и Б. Е. Штейном. В Генуе он был активно использован и в особенности пригодился на совещаниях 14 и 15 апреля 1922 года на вилле «Альбертис», где была частная резиденция главы британской делегации премьера Ллойд-Джорджа.

Наконец, подготовительная работа закончена. Документы упакованы. Чемоданы наполнены. Пора в Геную»[58].

Что касается основного документа «Претензии России к государствам…», то он был напечатан и представлен всем участникам Генуэзской конференции. Во введении отмечалось, что составителем этой работы являлся заместитель директора Института экономических исследований при народном комиссариате финансов РСФСР проф. Н. Н. Любимов. Ключевые положения этого документа мы приведем ниже.

О довоенных и военных долгах России перед «союзниками»

Советская Россия, как мы уже отмечали выше, крайне тщательно провела инвентаризацию всех тех внешних обязательств, которые возникли у России до начала Первой мировой войны и в ходе войны вплоть до 25 октября 1917 года, когда к власти пришли большевики. Обязательства возникали в результате получения царским правительством, а в период между Февральской и Октябрьскими революциями 1917 года Временным правительством различных кредитов и займов за рубежом. Учету подлежали гарантийные обязательства правительств того периода, а также обязательства по кредитам и займам, которые получали власти городов, государственные банки и т. п. Вся эта информация была представлена на конференции, и советская делегация была готова объяснять и обосновывать каждую позицию общего обзора по внешним обязательствам, возникшим до 25 октября 1917 года. Кстати, почти никаких внешних обязательств, созданных правительством Советской России, не существовало, поскольку Советское государство с конца 1917 года находилось в блокаде, в том числе кредитной.

Ниже приводим сводную таблицу внешних долговых обязательств, составленную на основе тех данных, которые были представлены на конференции.

Табл. 1. Внешние долговые обязательства России (без обязательств перед Германией) накануне Первой мировой войны[59]

Вид обязательств	Млн руб.
1. Довоенный долг правительства (включая сумму для выкупа железнодорожных линий у частных компаний)	4.200
2. Железнодорожные займы, гарантированные государством	975
3. Закладные листы государственных земельных банков	180
4. Займы городских управлений	340
5. Промежуточный итог по п. 1–4 (основная сумма довоенного долга)	5.695
6. Просроченные проценты и погашение по довоенному долгу правительства (за 4 года – с 1 декабря 1917 г. по 1 декабря 1921 г.)	727
7. Просроченные проценты и погашение по гарантированным государством займам железных дорог, государственных земельных банков и городских управлений (за тот же период)	293

[58] *Любимов Н. Н., Эрлих А. Н.* Генуэзская конференция (Воспоминания участников). С. 21–22.

[59] *Громыко А. А., Хвостов В. М.* Документы внешней политики СССР. 1922 год. – М.: Политическая литература, 1961. С. 296.

8. Промежуточный итог по п. 1–7 (сумма довоенного долга вместе с процентами).	6.715
9. Сумма капиталов в форме акций и облигаций финансовых, торговых и промышленных предприятий	1.955
10. Промежуточный итог по п. 1–9 (общая сумма государственных и частных долгов и капиталов в акционерной форме)	8.670
11. Сумма капиталов и стоимость имущества в неакционерной форме	980*
Общий итог	9.650

* Как отмечается в документе «Претензии Советского государства...», «эта сумма за отсутствием данных установлена в размере 50 % капиталов, размещенных в акциях, но процент, конечно, слишком завышен».

Из общей суммы довоенного долга правительства Российской Империи (4.200 млн руб.) львиная доля приходилась на Францию – более 3 млрд руб. (свыше 70 %). Другими крупными кредиторами России были Голландия (450 млн руб.) и Великобритания (250 млн руб.)[60]. Другими кредиторами правительства Российской Империи были Швейцария, Бельгия, Италия. Обязательства по железнодорожным займам, гарантированным российским государством (975 млн руб.), были распределены между кредиторами трех стран (млн руб.): Франции (600), Великобритании (250), Голландии (125). Впрочем, по большинству других позиций внешних долговых обязательств России доля Франции как кредитора была самой большой. Мы сильно не ошибемся, если скажем, что в целом на Францию в общей сумме довоенных долгов приходилось около $^2/_3$.

Внешние долги России по кредитам военного времени (табл. 2) сопоставимы с общей суммой долга по довоенным кредитам и займам.

Табл. 2. Внешние долговые обязательства России, возникшие во время Первой мировой войны[61]

Вид обязательств	Млн. руб.
Сумма военных займов	7 223
Просроченные проценты и погашение по этим займам за 4 года*	1 623
Итого	8 846

* Исходя из процента, указанного в текстах финансовых соглашений, или там, где он не указан, из 6 %.

Если основным кредитором России до начала войны была Франция, то в годы войны кредиты России выдавала в основном Великобритания (табл. 3). Ее доля в общем объеме военных кредитов России составила более 70 %. Кредитная активность Франции резко спала, поскольку она в связи с военными расходами сама стала испытывать финансовые дефициты и прибегать к займам и кредитам США.

[60] Там же. С. 301.

[61] *Громыко А. А., Хвостов В. М.* Документы внешней политики СССР. 1922 год. С. 300.

Табл. 3. Кредиты, полученные Россией в годы Первой мировой войны от стран-союзниц[62]

Страна-кредитор	В валюте кредитора, млн единиц	Млн руб.	Доля в общем объеме военных кредитов, %
Великобритания	538,65 (фунт. ст.)	5.100	70,6
Франция	3.573,0 (франки)	1.340,00	18,6
США	240,7 (долл.)	466,75	6,5
Япония	240,8 (иены)	233,70	3,2
Италия	221,0 (лиры)	82,87	1,1
Итого	-	7.223,32	100

Примечательно, что Соединенные Штаты в годы войны очень щедро кредитовали Великобританию, Францию и Италию, а вот Россию Америка откровенно игнорировала. Надо иметь в виду, что даже во время Первой мировой войны Вашингтон фактически сохранял кредитную блокаду России, которая фактически была организована еще в начале XX века. Тогда американские банкиры начали финансировать подготовку Японии к войне с Россией и стали отказывать в кредитах нашей стране. Позднее по инициативе еврейского банкира *Якова Шиффа* началось дипломатическое и экономическое давление Вашингтона на Петербург с целью «предоставить свободу» российским евреям. Кончилось это давление денонсацией в 1911 году торгового договора между Россией и США от 1832 года. Это было фактически объявление экономической войны России. Конечно, ни о каких американских кредитах России речь идти не могла. Лишь когда в России в феврале 1917 года произошла буржуазная революция и к власти пришло Временное правительство, Вашингтон снял свою блокаду. Ряду европейских стран Вашингтон предоставлял так называемые займы свободы. Весной 1917 года было принято решение о представлении такого же «займа свободы» России, хотя сумма займа оказалась очень небольшой. По данным западного экономиста и статистика *Гарвея Фиска*, в 1923 году отдельные страны имели следующие суммы задолженности перед США по кредитам и займам военного времени (млн долл., включая обязательства по процентам)[63]:

Великобритания – 4.600;
Франция – 3.990;
Италия – 2.015;
Россия – 242.

Общая задолженность всех стран перед Соединенными Штатами по кредитам и займам военного времени, по оценкам г. Фиска, составила на 1923 год 11,8 млрд долл. Таким образом, на Великобританию пришлось 39,0 % всех иностранных долговых обязательств военного времени перед США, на Францию – 33,8 %, на Италию – 17,1 %, а на Россию – всего 2,1 %. Из приведенных цифр следует, что проблема долгов России Америку волновала крайне мало. Главными инициаторами кампании давления на Москву с целью признания ею долгов царского и Временных правительств были Франция и Великобритания, т. е. союзники России по Антанте. Францию больше волновали довоенные долги, а Великобританию – долги по военным кредитам.

---

[62] Там же. С. 303.

[63] *Гарвей Фиск.* Межсоюзнические долги. Исследование государственных финансов за военные и послевоенные годы. Пер. с англ. – М.: Финансовое издательство НКФ СССР, 1925. С. 141.

Общая сумма внешних долговых обязательств Советской России перед странами широкой Антанты на начало 1922 года, по оценкам, которые представила на конференции советская делегация, составила 18,5 млрд зол. рублей (табл. 4).

Табл. 4. Общие внешние долговые обязательства России на начало 1922 года (без обязательств перед Германией)[64]

Вид обязательств	Млн руб.
Обязательства, которые возникли до начала Первой мировой войны	9.650
Обязательства, которые возникли в ходе Первой мировой войны	8.846
Итого	18.496

Особых споров цифры наших долгов не вызывали. По крайней мере, никто представленные цифры под сомнение не ставил.

Национализированное имущество иностранного капитала

Сразу же после прихода к власти большевики начали реализацию программы национализации предприятий и организаций, принадлежащих частному капиталу. При этом особого различия между отечественным и иностранным капиталом не делалось.

Важнейшим мероприятием стала национализация банков, которая началась с овладения Государственным Банком России и установления контроля над частными банками. Декретом ВЦИК от 14 (27) декабря 1917 года частные коммерческие банки были национализированы. Установлена государственная монополия на банковское дело. Декретом СНК от 23 января (5 февраля) 1918 года их капиталы полностью и безвозмездно передавались Государственному Банку. Слияние национализированных частных банков с Государственным Банком в единый Народный банк РСФСР было завершено к 1920 году. 14 (27) ноября 1917 года ВЦИК и СНК также издали Положение о рабочем контроле, который являлся подготовительным мероприятием к национализации промышленности, прошедшей несколько этапов.

Всего с ноября 1917 до марта 1918 года (первый этап), по данным промышленной и профессиональной переписи 1918 года, национализировано 836 промышленных предприятий (преимущественно небольших). Это были выборочные национализации, проводившиеся по инициативе местных Советов. В этот период, получивший название «Красногвардейской атаки на капитал», темпы отчуждения фабрик и заводов обгоняли темпы налаживания управления национализированными предприятиями.

На втором этапе национализации (март – июнь 1918 г.) происходило обобществление целых отраслей промышленности. Работа была поставлена на плановую основу, ею руководил Всероссийский Совет Народного Хозяйства (ВСНХ). 2 мая 1918 года СНК принял декрет о национализации сахарной промышленности, 20 июня – нефтяной. В мае 1918 года Конференция представителей национализированных машиностроительных заводов, в работе которой участвовал Ленин, приняла решение о национализации заводов транспортного машиностроения. Всего за этот период национализировано 1222 предприятия разных отраслей промышленности. Процесс национализации перекинулся на транспорт. В январе 1918 года была завершена национализация морского и речного транспорта; осенью 1918 – были национализированы частные железные дороги.

---

[64] *Громыко А. А., Хвостов В. М.* Документы внешней политики СССР. 1922 год. С. 300.

Третий, завершающий этап национализации, продолжался с июня 1918 года (декрет от 28 июня) по июнь 1919 года. К осени 1918 года в руках государства было сосредоточено 9542 предприятия. Вся крупная капиталистическая собственность на средства производства была национализирована методом безвозмездной конфискации. К государству в обязательном порядке переходили все крупные и средние предприятия промышленности (с капиталом свыше 1 млн руб.), национализация мелких предприятий осуществлялась по инициативе «снизу».

Советская делегация на конференции столкнулась с требованиями провести реституцию иностранной собственности (возвращение национализированного имущества их законным собственникам) либо произвести «справедливое» возмещение утраченного имущества. Большевики были готовы обсуждать этот вопрос. Подспорьем для них явилась Каннская конференция 1922 года. В одной из своих резолюций она признавала недопустимость навязывания системы собственности внутренней экономической жизни и управления, наметила положение об уважении государственного суверенитета, а также признала право каждого государства на национализацию собственности иностранцев.

Советская Россия вынуждена была занять конструктивную позицию по вопросам иностранной собственности, поскольку очень нуждалась в привлечении иностранного капитала. Интерес к иностранному капиталу правительство большевиков проявило сразу после захвата власти. Уже через два месяца В. И. Ленин сделал первое предложение о концессиях американскому представителю в России. Иностранные капиталовложения стали привлекаться в народное хозяйство после принятия Декрета СНК РСФСР «Общие экономические и юридические условия концессий» от 23 октября 1920 года. Иностранный капитал в России выступал в трех организационных формах: чистые концессии, смешанные общества и приобретение иностранцами акций советских предприятий. Наиболее распространенными были первые две формы. В чистых концессиях капитал был полностью иностранным; смешанные представляли собой акционерные общества, где государству принадлежала определенная часть. На практике же оба вида концессионных предприятий использовали советский капитал.

Большевики, готовясь к конференции, пытались определить «цену вопроса» по иностранному имуществу, которое подверглось в России национализации. Ими была подготовлена сводная информация, которая была представлена на конференции (табл. 5).

Табл. 5. Акционерный капитал и облигации финансовых, торговых и промышленных предприятий Российской Империи в иностранной собственности (на 1 января 1917 года)[65]

Страна	Количество предприятий	Капитал, млн руб.
Франция	159	648,2
Великобритания	139	501,6
Бельгия	99	314,7
Прочие страны (кроме Германии и Австрии)	74	223,4
Промежуточный итог	471	1.687,9
Германия	120	318,2
Австрия	12	6,6
Итого	603	2012,8

[65] *Громыко А. А., Хвостов В. М.* Документы внешней политики СССР. 1922 год. С. 302.

В приведенной выше таблице содержатся оценки известного русского экономиста *П. Оля*, который в начале 1920-х годов считался главным экспертом по иностранному капиталу в российской экономике. Документ «Претензии Советского государства к странам, ответственным за интервенцию и блокаду», представленный на конференции (о нем мы будем ниже еще говорить), содержал несколько иные оценки присутствия иностранного капитала в российской экономике. Сумма иностранных капиталов (без капитала Германии и Австрии) в форме акций и облигаций финансовых, торговых и промышленных предприятий на момент начала Первой войны была оценена в 1.955 млн руб. А с учетом германского и австрийского капитала общая сумма иностранного капитала была оценена в 2.243,0 млн руб. Можно заметить, что французский капитал доминировал: на него пришлось 38,4 % всех капиталов «союзнических» стран в России. Франция в то время была тесно ассоциирована с Бельгией. Часто до революции российская статистика даже не разделяла французский и бельгийский капиталы, отражая их единой позицией «франко-бельгийский капитал». Так вот, на франко-бельгийский капитал по состоянию на 1 января 1917 года приходилось 57,1 % всех капиталов «союзнических» стран в России.

Впрочем, задача оценки происхождения инвестиций из той или иной страны, как отмечается в «Претензиях», требует тщательного подхода. Надо выявить действительно тех держателей бумаг, которые купили их еще до войны, а не приобрели позднее. Например, часть российских долговых бумаг могла перепродаваться иностранцам (французам, англичанам, итальянцам и т. д.) нашей эмиграцией в годы войны или уже после ее окончания. Не исключались также перемещения российских бумаг в годы войны из Германии и Австрии в нейтральные страны (Голландия, Швейцария, скандинавские страны). Новая власть в России не скрывала, что в случае погашения своих обязательств по российским бумагам будет использовать дифференцированный подход.

Если приплюсовать к внешним долгам России по кредитам и займам царского и Временного правительств (18,5 млрд долл.) стоимость национализированного имущества союзных государств (1,7 млрд долл.), то *общая сумма внешних обязательств нашего государства на момент проведения Генуэзской конференции округленно составляла 20 млрд долл .*

Баланс обязательств и требований России по отношению к Германии. Упущенные репарации

Советская Россия провела учет своих обязательств не только перед «союзными» государствами, но также перед теми государствами, с которыми она воевала в Первой мировой войне («Центральные державы»). К последним относятся Османская империя, Италия (до 1915 г.) и Болгария (до 1915 г.). Не будет большим преувеличением предположение, что 95 или даже 99 % всех обязательств России перед «Центральными державами» приходилось на Германию. В документах советской делегации на конференции наши долговые обязательства перед Германией по довоенным займам и кредитам были оценены в 1,35 млрд руб. А суммарные обязательства, включая национализированные капиталы и иное имущество, принадлежавшее немецким физическим и юридическим лицам, – 1,83 млрд руб. (табл. 6)

Табл. 6. Долговые обязательства России перед Германией на начало 1922 года[66]

Вид обязательств	Млн руб.
Довоенный долг правительства	400
Государственные гарантии по железнодорожным займам	525
Государственные ипотечные долги	50–75
Займы городских управлений	100
Проценты со всех видов долгов	247
Основная сумма долга по кредитам и займам и проценты	1.347
Германские капиталы в виде акций	318*
Иное немецкое имущество на территории России	160
Итого	1.825

* Имеется также другая оценка этой позиции – 441,6 млн руб. (она приводится в документе «Претензии Советского государства к странам, ответственным за интервенцию и блокаду»).

Поскольку Германия проиграла Первую мировую войну, то Россия могла просто отказаться от погашения своих обязательств по довоенным кредитам, займам и инвестициям. Победители не обязаны платить по своим долгам побежденным, никаких особых аргументов и обоснований для таких отказов придумывать не надо. Таковы законы войны. Но нередко победители не платят своих долгов, ссылаясь на то, что это является своеобразной компенсацией понесенных ими ущербов и издержек, связанных с войной.

В принципе Россия могла посчитать такие ущербы и издержки и «повесить» их на Германию. Кое-какие расчеты были сделаны, соответствующие цифры мы можем найти в материалах советской делегации на Генуэзской конференции (табл. 7).

Табл. 7. Оценки возможных репарационных требований России по итогам Первой мировой войны[67]

Вид требований	Млн руб.
Оценка ущерба, исходя из числа убитых и умерших от ран и болезней, пропавших без вести, раненых	16.100
Расходы по Военному и Морскому ведомствам по прямому финансированию войны 1914–1917 гг.	19.400
Разрушенное и потерянное в ходе войны имущество	Оценки нет
Итого	35.500

Прокомментируем табл. 7. Основанием для расчета репарационных требований является статья 116 Версальского мирного договора. На Германию были возложены репарации общей суммой 132 млрд зол. марок. Предусмотрено, что из указанной суммы 80 млрд марок должно приходиться на выплату пенсий и пособий в странах-победительницах, а 52 млрд марок – на покрытие претензий, связанных с материально-имущественными ущербами.

Людские потери. Сумма 80 млрд марок должна была распределяться пропорционально потерям в людях, понесенным каждым государством. Убитых и умерших от ран и болезней, пропавших без вести, раненых по всем странам коалиции, воевавшей против Германии, насчи-

[66] *Громыко А. А., Хвостов В. М.* Документы внешней политики СССР. 1922 год. С. 301.

[67] Там же. С. 300.

тывалось 17 млн человек, из них на Россию приходилось 7,5 млн человек (44 %). Это давало России право претендовать на сумму в 35 млрд золотых марок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.